

ИВАН КОНДРАТЪЕВ

БИЧ БОЖИЙ. БОЖЬЕ
ЗНАМЕНЬЕ (СБОРНИК)

Россия державная

Иван Кондратьев

**Бич Божий. Божье
знаменье (сборник)**

«Public Domain»

1896

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Кондратьев И. К.

Бич Божий. Божье знаменье (сборник) / И. К. Кондратьев —
«Public Domain», 1896 — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-04019-1

Иван Кузьмич Кондратьев (наст. отчество Казимирович; 1849–1904) – поэт, прозаик, драматург. Родился в с. Коловичи Вилейского уезда в крестьянской семье. Свои стихи, рассказы, романы помещал в «Русской газете», «Новостях дня», в журналах «Московское обозрение», «Спутник», «Россия» и многих других. Отдельными изданиями в Москве выходили пьесы-шутки, драмы из народной жизни, исторические повести, поэмы. В песенный фольклор вошли романс «Эти очи – темны ночи» и другие песни и романсы Кондратьева. Предполагается, что ему принадлежит исходный текст русской народной песни «По диким степям Забайкалья». В этом томе представлены два произведения Кондратьева. В романе «Бич Божий» показаны события из истории древних славян. Писатель предлагает нетривиальный взгляд на историю гуннов и личность их вождя Атиллы. В романе гунны выведены как одна из ветвей славянского племени венедов. Автор не строит новых исторических теорий, а лишь дает беллетристическую реконструкцию событий далекого прошлого на основе выводов, заимствованных из сочинений некоторых западных средневековых историков, принимавших славян и гуннов за один народ. Повесть «Божье знаменье» переносит читателя в XIX век, в годы Отечественной войны с Наполеоном.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-04019-1

© Кондратьев И. К., 1896

© Public Domain, 1896

Содержание

Бич Божий	7
Часть первая. У берегов Немана	7
Глава I. Плотники-распинатели	7
Глава II. Совет старейшин	11
Глава III. Погребение князей	16
Глава IV. Пробуждающаяся сила	19
Глава V. Кукушка-вещунья	26
Глава VI. Пир и клятва у костра	32
Часть вторая. Переселение народов	39
Глава I. Первые поселения	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Иван Кондратьев
Бич Божий. Божье знаменье

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Бич Божий

Часть первая. У берегов Немана

Глава I. Плотники-распинатели

Наступила весна 375 года, весна теплая, благоухающая.

По римскому летосчислению шел месяц май, по славянскому – время, посвященное Дажьбогу, как покровителю произрастаний земли, и богине любви Лола¹.

Осенила весна и землю венедскую, по которой извивалась широкая и светлая Немиза, река, носящая ныне название Немана.

В один из вешних дней, когда солнце светило особенно ярко и особенно шумно ликовала расцветающая природа, толпа плотников, веселая и говорливая, суежилась на берегу Немана: раздавался гулкий стук топоров, слышался лязг вбиваемых в дерево гвоздей.

Что делали плотники?

Плотники воздвигали целый ряд грубых бревенчатых крестов.

Несколько готовых крестов, полукругом, в разных направлениях, уже поднимались по берегам Немана, и плотники, видимо, торопились с окончанием своей работы...

Но для кого же воздвигались кресты эти? Кто такой страдает на них?

Хороши, живописны берега Немана и теперь, когда рука нового человека всему придает свой однообразный, невеселый цвет и подводит все под одну свою неизменную мерку; хороши, живописны берега Немана и теперь, когда почти по всему протяжению его раскиданы то убогие рыбацьи хижины, то маленькие шляхетские фольварки, то старинные панские мызы и замки, то грандиозные костелы, свидетели многих безумных и кровавых дел. Но в конце IV столетия берега Немана, как вообще берега всех рек северославянской земли, представляли почти одну сплошную массу очаровательно-величественных дубовых, липовых, сосновых и кленовых лесов. Поднимая к облакам свои могучие лиственные вершины, только одним бурям покорялись они, укрывая под своими темными, без просветов, наметами тысячи птиц и тысячи зверей. Груды пней, кряжей, мхов и разросшихся корней служили им безопасным обиталищем, а множество ручьев, трясин, болот, озер, заросших травой окошек и бочагов не пропускали человека в эти таинственные лесные пучины... Да человек и не шел туда: там ждала его верная гибель...

Но гибель в то время висела и над бедными обитателями того края, в их жилищах.

Краем владели грубые и жестокие готы.

По северным сказаниям, или сагам, готы, теснимые из Азии, под владычеством Сиггэ Фридульфсона, т. е. Одена, пришли первоначально в Квенландию, в страну квенон, стало быть, в восточную часть Финнии, жители которой и по настоящее время называются квенами. В то время вся нынешняя Финляндия носила название Квенланд. Оттуда готы начали распространяться до Карпат и Дуная. В придунайских племенах, отстаивавших свои границы от побед Рима, готы нашли и собственную ограду и даже поборников против общего врага – римлян. Но, пользуясь междоусобиями князей, римляне успели перешагнуть через Дунай и основать за ним свои провинции. Троян довершил победы на Дунае и покорила Дацию. Готы принуждены были искать новоселья для своей централизации. Для них не оставалось иного пути, кроме как

¹ *Лола* – название богини любви и счастья. Лола превратилась впоследствии у славян в Лад, может быть, от слова – лад, ладить, в ладу, т. е. приятное сообщество.

на север, и вот готы окончательно водворились в Скандии, в стране ситонов. Из Скандии готы, усиливаясь все более и более, при императоре Валентиниане I и Валенте (364–375 гг.) овладели почти всей восточной Европой и делали набеги на Фракию. Одни из готов, известные под именем тервингов или вестготов, жили на севере от Нижнего Дуная под властью нескольких князей, между которыми особенным влиянием пользовался Атанарик. Другая отрасль этого народа носила имя грутунгов, или остготов, и под властью своего короля Эрманарика, в соединении с несколькими подвластными народами другого происхождения, образовала большое государство, простиравшееся до берегов Дона. В состав этого государства, кроме других славянских племен, вошло и славянское племя вендов или вenedов, жившее на Балтийском побережье, на Висле, Северной Двине и Немане.

Своего короля Эрманарика готы сравнивали с Александром Македонским; но остготский герой не проявил ни великодушия, ни мудрого правления великого героя, который умел быть милосердным с покоренными народами. Не тем прославился Эрманарик, наследник Геберика, в течение своего девятнадцатилетнего правления. Бесчеловечными казнями и муками прославился он.

Готский король надеялся этими средствами сдержать движение покоренных им народов.

Удалось ли ему это – доказали последствия.

Жестокости начали отзываться беспрестанными и буйными восстаниями.

Первыми восстали славяне, и особенно славяне-венеды, жившие на Балтийском побережье и по берегам Немана.

Они селились там с незапамятных времен, называя себя вenedами.

Восстали венеды, – и вот на мирные берега Немана набежали целые полчища готов, и началась их обычная расправа. Все, что попадалось готам под руки, билось, резалось, истреблялось, топилося. Наконец в их руки попались и главные зачинщики восстания, с их семьями.

Это были вenedские князья.

Для них-то вот и воздвигались кресты на берегу Немана.

Было уже за полдень, а работа все еще продолжалась: все еще стучали топоры, все еще звенели гвозди, все еще рылись глубокие ямы для вкапывания крестов.

Один из готов, по-видимому надсмотрщик за работами, долго сидел угрюмо на обрубке дуба, не обращая внимания на работающих, наконец поднял голову и закричал:

– Что ж, скоро ли?

В ответ ему послышалось несколько голосов:

– Вот только гвоздик один, и все!

– погоди, не торопи, еще успеем распять этих собак. Много ли их тут?

– Много, не много, – говорил сосредоточенно надсмотрщик, – а к ночи не перевешаем всех.

– Перевешаем! – раздались голоса в толпе работающих, – еще столько, и то перевешали бы!

– Есть что вешать – сорок человек! – заговорил недовольным тоном один из плотников. – Из сорока человек и рук не стоит марать. По-моему, уж если распинать, так распинать человек триста: по крайней мере – вид хороший!

Плотники захохотали. В честь оратора послышались одобрения:

– Ай да Острад! Вот настоящий распинатель, так настоящий!

– Да что, – продолжал Острад, – сорок человек? Эка невидаль! Да и каких еще сорок человек-то! Козявки – не люди. Вот мы на Дунае распинали... тоже славян... Так вот это люди! Мы их там сотен пять в два дня распяли... Есть чем похвастать... Есть на что поглядеть... А то что!..

Острад махнул рукой, как будто давая этим знать, что о таких, в сущности, пустяках и говорить не стоит, да уж так – язык развязался, к слову пришлось.

И в самом деле, для плотников казни не составляли ужасающих зрелищ; они смотрели на них совершенно равнодушно и также равнодушно распинали несчастных. Это была их обязанность.

При военных отрядах готов, особенно любивших казнь распятием, плотники составляли нечто вроде касты палачей и повсюду им сопутствовали. Обязанность эта у них переходила от отца к сыну, от сына к внуку и т. д. Словом, это составляло у готов особенный род занятий, которым никто не пренебрегал. Кроме известной платы за труд, плотники пользовались еще одеждой приговоренных к распятию, какова бы она ни была; а для того чтобы кто-нибудь другой не воспользовался доходом, один из плотников состоял в действующем отряде и наблюдал над забираемыми. Мрачность занятия вовсе не мешала плотникам быть людьми веселого нрава. Исполняя свои обязанности, они шутили, смеялись, как и в другое время, за кружкой вина или чашей меда. Но если что могло приводить их в уныние, так это отсутствие привычной работы. Этого, однако, не случалось: работа была постоянная. Стало быть, плотники-распинатели жили припеваючи...

С чем человек не сживается!..

Но над человеком всегда висит переменчивая туча, и неведомо, над кем она разразится громом, кто попадет под ее губительные стрелы. Гром равно поражает: и могучий дуб, сотни лет красующийся над долиной, и молодую, только что вырастающую березку; равно поражает он и счастливого и несчастного человека...

Готы были счастливы, готы ликовали. В их руках была вся северная Европа. Все богатства стекались к ним, все несло им свои дары, свою дань. Столетний герой Эрманарик отдыхал в ожидании разложения Римского организма, разъедаемого арианизмом, чтобы Рим прибрать к своим рукам. Казалось, не было уже спасения от готов. Но в это, по-видимому, блестящее время над «ледяным» владычеством готов собиралась невидимая туча. Провидение неожиданно-негаданно готовило ему грозу в недрах его же преобладания...

Но когда же и как разразилась гроза эта?..

Поставленные полукругом в два ряда четыре десятка крестов были уже совершенно готовы, когда к ним приблизилась безмолвная процессия. Процессия эта состояла из сотни вооруженных с ног до головы готских витязей и толпы венедов – вождей, приговоренных к распятию. Витязи ехали на конях, украшенных серебром и кистями; венеды шли, привязанные цепями к седлам. Впереди всех ехал готский князь. На нем был золоченый шлем. На серебряном щите была изображена черная змея. Он остановился, за ним остановилась и безмолвная процессия. Окинув взглядом пленников, стоящих с непокрытыми головами, он обратился к надсмотрщику плотников:

– Все ли готово?

– Все: и кресты, и лестницы, и гвозди, – отвечал надсмотрщик, склонив голову в знак покорности.

Князь махнул рукой.

Плотники, с веревками, молотками и гвоздями в руках, стали у крестов. Витязи с пленниками подъехали к ним.

Воцарилось молчание.

Князь заговорил:

– Наш король, наш великий и бессмертный Эрманарик, вот уже девятнадцать лет повелевает готами! Наш король, наш великий и бессмертный Эрманарик, которому равного нет на земле, вот уже девятнадцать лет покоряет племена и народы! Ни один замок не устоит перед ним, ни один город не оставит запертыми ворот своих! Готы видели Фермопилы, готы видели Пелопоннес, готы овладели Коринфом и Спартой, готы были в Афинах. Все перед готами падало и преклонялось! Горе же народам, которые сопротивляются могуществу их!

– Горе! – крикнула толпа витязей.

И снова все смолкло.

Помолчав немного, князь продолжал:

– Где же они? Где эти безумцы, что против могущества готов?

– Мы! – сказали изнуренные пленники, как один человек, – мы, славяне!

В воздухе взвились плети витязей и веревки плотников-распинателей. Послышались отрывистые стоны и вздохи пленников: их бичевали. Бич подействовал. Пленники смолкли и снова стояли с понуренными головами.

Князь продолжал свою речь, но уже не тем спокойным и ровным голосом, каким он говорил прежде. Теперь голос его дрожал, в тоне слышалась иступленная досада. Он не ожидал такой смелой выходки со стороны пленников, жизнь которых висела уже на волоске.

– Славяне? – говорил он. – Но что ж такое славяне? Псы смердящие, только и годные для того, чтобы готы травили их на других псов, таких же смердящих, как и они! Откуда взялись славяне? Где их родина? Они, как иудеи, раскиданы по всей земле и служат всем рабами. Где их нет? Они везде. Они на Дунае, они на Эльбе, они на Дону и Днепре, они здесь, на Немане и Висле!

– Наша земля везде! – крикнул один из пленников. – Вы в нашей земле живете. Не мы псы – вы собаки рудые!

Князь вышел из терпения.

Речи его не суждено было окончиться, в которой он, без сомнения, в сильных и величественных выражениях хотел напомнить о могуществе готов и о низком происхождении славян.

Окончание речи его вылилось в одно слово:

– Начинай!

Заскрипели лестницы, застучали молотки, слышались голоса плотников: «подавай», «тяни», «готово». Раздались бессильные крики и проклятия пленников...

Началась готская расправа...

В самый разгар работы мимо крестов пронеслось несколько бешеных коней. Кони эти будто из-под земли выскочили. Как птицы пронеслись они мимо места казни и скрылись в отдалении.

Но не одни пронеслись они: к хвостам их, ногами вперед, были привязаны обнаженные дочери и жены несчастных венецких пленников...

Казнь эта называлась у готов «мыканьем». Мыкали конями одних только женщин...

К вечеру все пленники были уже распяты.

Тогда началось метание в умирающих копий. Кто лучше метал, того награждали криками одобрения. Это была своего рода игра, требовавшая много ловкости и хорошего зрения. Метавший должен был попасть копьем непременно в назначенное место, и, кроме того, чтобы воткнувшееся в тело копьё некоторое время держалось горизонтально, потом уже падало. Метнувший должен был ловить копьё и не допускать, чтобы оно упало на землю. Другие копия должны были держаться в теле до тех пор, пока метавший, на лошади, на всем скаку, подпрыгнув в седле, не выдергивал его. Многие из готов были так ловки в этой игре, что, взяв в руки по копьё, они враз, моментально, метали их в распятого и попадали в оба глаза. В таком случае копия должны были держаться древками врозь, углом, как бы вроде лучей.

Игра вообще была для них занимательная; готы до страсти любили ее, отдавались ей с азартом и только тогда не кидали, когда уже явно видели вместо распятых тел одни клочья тела...

Так было и в настоящем случае.

Готы тогда только оставили распятых славянских князей, когда увидели, что метать уже не во что, и когда в их ушах перестали слышаться тяжелые, невыносимые стоны умирающих мучеников.

Оставили и ускакали на своих малорослых, но сильных конях, прокричав:

– Велик наш король Эрманарик! Смерть венедам и всем непокорным нашему великому королю!

За витязями оставили место казни и плотники-распинатели. Поделив добычу, утомленные, они уселись на несколько телег и тронулись в путь со всеми своими орудиями: цепями, веревками, молотами, топорами, гвоздями, лопатами. Ни слова сожаления о несчастных, ни одного прощального взора.

Один только Острад, видимо недовольный малочисленностью распятых, не удержался, чтобы не послать им своего недовольного слова:

– Эх вы, поросята! – пробурчал он, окинув взглядом все сорок крестов, уже начинавших окутываться вечерними сумерками. – Право, поросята!

Скоро на месте казни не было уже слышно человеческого голоса.

Тихо, незаметно, будто крадучись, надвигалась весенняя ночь на берега Немана.

Грозная береговая поляна, недавно столь шумная, столь кровавая, погрузилась в совершенный мир и совершенную безмятежность, точно никогда на ней и не происходило ничего постыдного, ничего возмутительного.

Все гуще и гуще надвигались сумерки, все черней и черней становился окружавший поляну лес. Но вот с запада сквозь причудливые вершины дубняка проскользнул один-другой просвет месяца, пробежала легкая полутьма его, и он сам, красно-бледный, показал свое полукольцо. Легкие облачка, до того невидимые, набежали на него, окрасились, передали румянец другим своим волокнистым сестрам и повисли над ним, словно заколдованные. А месяц между тем царственно поднимался все выше и выше, зарумянивая сквозные облачка и целые обхваты могучих вершин векового дубняка, рисуя из них самые странные, сказочные формы. Чудилось, будто неисчислимые полчища неведомых, кудреватых существ ринулись на исходящий откуда-то свет, но вдруг, пораженные им, остановились и замерли на месте, понуриив свои богатырские головы...

Взглянул месяц и на прибрежную поляну.

Но зачем он взглянул на нее?

Пусть бы дело тьмы и оставалось во тьме...

Чуя добычу, ночные хищные птицы уже реяли над крестами. Одна из них, усевшись на плечо распятого, спокойно выклевывала уцелевший глаз. Другие искали лакомого куска, кидая от распластанных крыльев своих длинные, еще не отчетливые тени; острыми углами скользили они по истоптанной траве и по крестам, то исчезая, то снова появляясь. А во круг все тихо-тихо, как в могиле. Не слышно даже и берегового прибой Немана. Молчал и Неман. И он, всегда говорливый, всегда беспокойный, казалось, не решался нарушить покоя навеки успокоившихся. А вон и еще показались тени. Это уже другие хищники. Старый волк тихо и осторожно высунулся откуда-то. Сверкнули два огонька. Постояли огоньки и двинулись вперед. Испытанный хищник не боялся опасности. За ним показались и другие... Будет пир, будет добыча...

Но вдруг огоньки моментально скрылись, быстрее задвигались тени пернатых хищников и что-то заскрипело...

Один из крестов качнулся...

– Пить! – тихо и протяжно простонал кто-то. – Пить!

Протяжный стон замер в воздухе...

И опять все тихо, и опять все безмолвно на береговой поляне Немана, недавно столь шумной, недавно столь кровавой...

Глава II. Совет старейшин

Эрманарик, король готский, поработил венедев.

Непривычные к войне, тихие, мирные, венеды сначала противоборствовали Эрманарику. Но многочисленная их толпа, нестройная, не привычная к войне, была ничтожна в битве против строевой силы готов.

Смирились венеды, засели в свои жилища и начали платить непосильную дань. Мало того: от них брали рабов, рабынь, мучили их, пахали на них, как на волах, землю, продавали их в неволю. Как тяжела была эта ледяная неволя, доказывается тем, что еще и по настоящее время можно слышать в Литве, где прежде селились славяно-венеды, следующую песню:

Перун, боже,
Не мучь Жемайта,
Мучь гота,
Рудого пса.

Бессилие ищет защиты в небесах, у Бога. Искали его и венеды. Но языческий бог их молчал. Защиты ниоткуда не было. Стало быть, надо было искать защиты в себе, надо было найти человека, который бы взялся предводительствовать венедскими.

Такой человек нашелся...

Это был Болемир, один из молодых и храбрых князей венедских. Собрав толпу недовольных поработителями, он поднял восстание.

Покорив народ, готы прежде всего заботились об истреблении рода. Они, по обыкновению, распинали род их от мала до велика. Но не всегда удавалось им истребить всех и всякого. Князья оставались и жили до поры до времени где-нибудь в лесных трущобах или пещерах, укрываясь от готского преследования. Какой-нибудь бедняк из народа поддерживал существование укрывавшегося...

Таков был и Болемир венедский...

Он сначала укрывался от преследования готов, и венеды хранили его. Восстание Болемиру не удалось... Он и многие его помощники, из княжеского же рода, были захвачены и распяты на береговой поляне Немана. А жен и дочерей их, привязанных к хвостам коней, размыкали по полю.

Скрываясь в лесах, венеды судили-рядили о своих делах в тайных сборищах, таких тайных, что, казалось, сама дебря не подозревала, для кого и для чего собираются ее обитатели.

Сборища эти были невелики и совершались преимущественно в глухих углах венедских поселений, как, например, на берегах Немана. Совершались там, где жили на спокойное старейшины венедские, когда-либо имевшие значение и силу. Оттуда уже решение сборищ разносилось по всему Балтийскому побережью, по Висле до Эльбы.

В то время как на одном берегу Немана стучали топоры плотников-распинателей, на другом берегу, в чаще леса, тысячеголосое эхо, захлебываясь и перекатываясь, разносило какие-то невыразимо дикие звуки: не то свист, не то гогот.

Птица ли это клекотала? Зверь ли завывал? Разобрать было трудно.

И не в одном месте слышались они.

Звуки носились по всей чаще. То в одном, то в другом месте раздавались они. Там исчезали, здесь – появлялись. Не успевало одно эхо протянуть начатого звука, как уже другое прерывало его, начинало само гоготать, разносилось, раздроблялось, рассыпалось, перебегало с ветки на ветку И тонуло в новозарождающемся эхе.

Бывали минуты, когда, казалось, весь лес превращался в море звуков, которые носились по нему, как голоса невидимых духов. Но минутами они совершенно смолкали. Тогда тишина леса представлялась заколдованным миром. Страшно было в этой тишине.

Но что за звуки раздавались в лесу? Свистал ли кто? Кричал ли кто?

Свистал и кричал человек.

Нырря, как испуганный зверь, по мхам и по зарослям могучего бора то там то сям, он же разносил и эти невыразимо дикие звуки. Остановится, присядет, приложит ко рту длинную трубу – и завоет. Тут-то и начинало перекатываться тысячеголосое эхо.

Человек этот был венед.

В рысёй шапке, высокой, облоухой, сам небольшой, коренастый, с круглым, густо обросшим волосами лицом, он много походил на зверя. Особенно когда, дуя в трубу, щеки его сильно вздувались, волосы как бы щетинились, а глаза наливались кровью.

Не напрасно завывал венед.

Вой этот был призывным, условным знаком для венедов.

Всякий из венедов, кто слышивал его, шел на одну из условных лесных полян, где происходили тайные совещания.

Ходить по хижинам, собирая на совещания, не было никакой возможности: хижины венедов были раскиданы по берегам Немана в таких чащах, в такой глуши, что только одни хозяева их и знали, как пробраться к ним и где их отыскать. У каждого были свои особые приметы, по которым он пролагал тропинки к жилищу своему. А звуки трубы всякий слышал и знал, что они значат.

В городах венедских и больших весях преобладали готы.

Венеды бежали из городов и весей, предпочитая глушь лесную готскому насилию. Готы не противились переселению. Это было согласно с их политикой. Разрозненный народ, по их понятию, был не опасен. Рабов же, рабынь и дань им доставляли беспрекословно.

Между тем в лесах-то и скоплялась сила, которая могла ринуться дальше и могла противостоять готскому владычеству.

Когда венед вынырнул на условную поляну, там уже на пнях сидели несколько человек седоволосых венедов, которые вели между собой тихую беседу.

Венед-трубач снова нырнул в чащу леса и снова завыл. И долго еще то там то сям слышалось его завывание. Наконец завывание замерло где-то, застыло, и дебря успокоилась.

На поляне уже была целая толпа венедов.

Собрались все больше седобородые старики. Молодых было мало.

На лицах собравшихся изображалось уныние и отчаяние. Всем было тяжело. Все знали, что на другом берегу Немана распинают их собратий. Все знали, что в это время многие из их собратий выпускают дух свой.

Невыносимо то чувство, когда человек хочет, но не может помочь любимому существу. Чувство это часто превращается или в безнадежное отчаяние, или в зверское остервенение.

У собравшихся венедов было то и другое. На лице – отчаяние, на душе – пучина.

Все они тихо переговаривались между собой и чего-то ждали. Видимо, недоставало кого-то. Наконец этот «кто-то» появился.

Из леса вышел старик. Он шел не один. За руку его вел отрок.

Вышедший был Будли, старейший из князей венедских, когда-то знаменитый, храбрый. А теперь он жил в глухих дебрях Немана, на спокойе. Он, как и другие князья венедские, скрывался от готов. Но не сам он скрывался: его скрывали любимые слуги. Старику уже было поздно жалеть себя: ему было уже за девяносто лет. Но он, однако, был крепок и свеж. Бодрый, седой, князь уподоблялся дубу, опушившемуся свежим инеем. Годы согнули князя, как волны морские сгибают весло рыболова, но князь не сломился. Длинные белоснежные волосы падали на крепкие плечи его. Лоб был широк и открыт. Только глазами был плох князь венедский. Видно было, что он слеп, но чувствовалось, однако, что он видит. На князе была длинная белая рубаха, голова его была открыта. Князья уважали народ и потому стояли перед ним с открытой головой.

При появлении Будли толпа замолкла.

Тихо, беззвучно приблизился князь Будли к толпе. Отрок стоял подле него. Отрок этот был внук Будли. Он был коротенький, головастый мальчонка, лет десяти. Широкие плечи обещали в нем будущего силача, сверкающие глазенки обличали в нем ум и вместе с тем какую-то странную дерзость и решительную отвагу. Двигался он неуклюже. Смотрел все больше в землю.

Постояв немного, князь Будли заговорил:

– Все ли собрались наши?

– Все! – было ему ответом.

Будли поднял голову.

– Братья! – задрожал его голос над толпой. – Мы гибнем! Что нам делать?

Все молчали.

– Гибнем! Гибнем!

Старый князь закрыл лицо руками.

В толпе послышался чуть слышный говор:

– Гибнем, батя, гибнем! Кто нас поратует?

Стихли. Молчание царило над толпой.

Дряхлый князь, казалось, собирался с духом, чтобы сказать нечто решительное, нечто неожиданное...

А толпа все молчала, как один человек. Чудилось, что это не люди стояли, с душой и сердцем, не люди, которых угнетала одна мысль, одно горе, одна беда, а заколдованные дубы-подростки, принявшие человеческие образы.

Князь наконец открыл лицо и поднял свою обремененную сединами голову.

– Братья! – сказал он тихо, будто очнувшись от долгого забытья. – Братья! Послушайте старика!

– Слушаем, батя, слушаем! – прогудела толпа.

– Девять десятков лет, – продолжал князь ровным, окрепшим голосом, – пронеслось над моей головой. Скоро десятому конец будет. Видел я горе, видел радости. У меня было два дцать шесть сыновей, вдвое больше внуков. Все они росли, все они любили родину свою дорогую, и все они положили головы свои за нее. Положили потому, что мы скованы по рукам и ногам. Знаменитое и вольное племя наше, племя венедов, потеряло свою волю, потеряло свои города, веси, земли, жен, дочерей, сыновей. Мы скрываемся в лесах, как звери дикие, чтобы готы не видели и не мучили нас. У нас берут тяжелую дань. Берут все, что мы имеем: и хлеб, и одежду, и питье. Берут у нас в неволю красавиц-дочерей, сыновей-подростков. Все у нас берут. Что же нам делать? Куда нам деваться? Ужели мы должны погибнуть? Ужели племя наше должно исчезнуть навсегда?

Будли остановился.

Толпа поняла, что он требует ответа, и загудела:

– Нет, нет, батя, не должно исчезнуть племя наше! Но что же нам делать, батя? Много нас, но сил у нас нет. Нет предводителей. Готы проклятые всех переловили и перевешали. Ты только один у нас и остался. Помоги, батя! Что ты скажешь, то мы и сделаем! Помоги!

– Помогая моя вот такая, братья, – заговорил, успокоившись, князь. – Мы должны покинуть свою родину и искать, подобно своим предкам, новых поселений. Одна часть венедов пусть идет к Понтийскому морю, другая в Галлию, а третья на полночь, за море. Есть много свободных земель по Днепру, есть много их и в Галлии, есть много их и на полуночи. Пусть в Галлию ведет князь Радогост. На полуночь князь Олимер. К Понтийскому морю из вас кто-либо. Из князей у нас только и остались Радогост и Олимер.

– Да будет так, батя! – отвечали, как один человек, венеды. – Пусть гонцы разнесут эту весть по городам и весям венедским. Пусть народ готовится к выселению. Да будет так, батя! Слово твое – святое слово!

Дряхлый князь низко поклонился венедам.

– Добро вам, братья честные, что еще верите старику хилому. А лучшего дела нам не выдумать.

Толпа заволновалась и заговорила между собой.

В это время внук надел на дряхлого князя шапку и осторожно повел его в лес по той же тропинке, по которой вывел его.

В князе, по-видимому, миновалась надобность. Его дело было только сказать, дело других – исполнить.

Когда князь с внуком своим отошел довольно далеко от поляны, молчавший все время внук вдруг обратился к деду:

– Дедушка, а дедушка!

– Что тебе, дитятко?

– А мы с тобой, дедушка, выселяться будем?

– Куда нам с тобой выселяться, дитятко? Я стар, ты млад – оба никуда не годимся. Поживем покуда и здесь. Я помру. Ты подрастешь, – вот тогда и делай, что знаешь, и иди, куда хочешь.

– Я, дедушка, тебя не покину. Только мне очень хочется побывать в чужих сторонах. Я бы побывал во всех тех городах, про которые ты рассказывал. Там, должно, совсем другие люди живут.

– Нет, дитятко, все такие же люди, как и мы с тобой. Только в одном месте злые люди, в другом – добрые. А больше все злые. Хуже готов.

– Готы собаки, дедушка. Кабы моя воля была, я бы их всех перерезал.

– Трудно их перерезать, дитятко: готы народ сильный.

– А уж сильнее готов и нет, дедушка, никого больше?

– Нет. Они многими землями владеют. Один только римский император и не покорствуется перед ними. Да и тот боится их. Готы, дитятко, страшный и сильный народ.

– Когда я вырасту, дедушка, плохо от меня будет готам.

– Ох, ты витязь мой, витязь! – засмеялся добродушно старик и погладил внука по голове.

Внук между тем насупился. Видимо, в его детской груди уже накопилась затаенная злоба против ненавистного ему племени.

Долго внук и дед шли по лесной тропинке. Молчал внук, молчал и дед. Внук, как умел, поддерживал старика. Старик еле передвигал ноги и часто спотыкался. Наконец перед ними показалось несколько хижин, ютившихся под сенью лип на глухой лесной луговине. Жилища эти скорее походили на берлоги зверей, чем на дома человеческие.

Едва внук и дед приблизились к ним, как откуда-то, точно из-под земли, выбежала молодая девушка. Легкая, улыбающаяся, в белой длинной сорочке, перехваченной по стану тонким пояском, длинноволосая, голубоглазая, она подбежала к старику и обхватила шею его своими пухлыми гибкими ручонками.

– Дедушка! Дедушка! – радовалась она, целуя старика то в лоб, то в щеки. – Что ты так долго не приходил? А я-то ждала, а я-то ждала...

– Вот и дождалась, вот я и пришел, – говорил ласково дедушка и тоже несколько раз поцеловал молодую резвушку в голову.

– А что же ты-то, братец, не привел пораньше дедушку? – обратилась она к юному прожато-му, который стоял насупившись.

– Не тронь его, не тронь! Он у меня всех готов перебить! – шутил старый князь.

– Ах, какой страшный! – вскрикнула девушка и засмеялась, откидывая обеими руками за плечи свои длинные русые волосы, которые легкими прядями повисали над ее овальным покрасневшим личиком.

Внук из-под бровей поглядел на девушку и еще больше надулся. Девушка засмеялась еще сильнее, глядя на рассердившегося брата.

Это были внук и внучка старого венедского князя Будли.

Внук – Аттила.

Внучка – Юрица.

Глава III. Погребение князей

Была уже совершенная ночь, и месяц, полный, явственный, плыл уже высоко по небу, когда несколько тяжелых и неуклюжих венедских лодок показались на водах Немана. Лодки венедские двигались тихо, едва заметно. Пловцы, видимо, опасались чего-то и придерживались больше берегов, находившихся в тени, которая ложилась по ним от высокого берегового леса.

Плывать у этих берегов было не совсем безопасно: все пространство их было завалено отжившими свой век гигантами лесов – дубами, березами, кленами. Голые сучья их, черные, влажные, покрытые зеленым мхом, нередко высоко поднимались над водой. Плывущий по реке сор – листья, сучья, ветки, плесень – сбивался у этих береговых преград, прирастал, присасывался к ним, покрывался новыми наплывами и составлял иногда самые крепкие, самые непроницаемые плотины, разрушить которые недоставало даже сил и у воды, несмотря на то что она бешено, как бы с озлоблением набегала на них, силясь их раздробить и разнести, вертелась, кружилась, пенилась и затем, встречая неодолимую твердыню, вынуждена была далеко обегать их. Кое-где гигантское дерево, дитя десятков лет, упав бог весть когда и как, лежало поперек берегового затишья, занимая несколько саженей пространства. Крепкие и испытанные ветви его упирались в илистое дно и держали над водой корявый, почерневший ствол. Шумно и звонко перекачивалась вода через эту недвижимую грудку, чтобы через несколько саженей встретить, может быть, новую такую же грудку и снова же уступить ей. Местами деревья повисали над самой водой. И днем под этими могучими навесами царила сырая и подавляющая мгла, а ночью навесы эти казались какими-то заколдованными обиталищами лесных демонов: так под ними было темно, так было холодно, жутко. Даже всплески волн не оживляли их. Как очарованные, стояли навесы эти над водой. Склонившись к ней, они сумрачно, как бы размышляя, гляделись в холодные струи ее, точно стараясь постигнуть сокровенные думы этих вечно движущихся и вечно шепчущих о чем-то волн. Во время бурь и непогод навесы эти, качаясь и торопливо шелестя, со скрипом и рокотом купались в самой воде и звонко роняли в воду захваченные ими в воде же крупные и светлые ее капли. Тогда мнилось, что они плакали о чем-то. Так года проходили за годами. Один навес, одряхлев, незаметно исчезал, другой так же незаметно зарождался, чтобы, в свою очередь, когда-нибудь уступить место новому поколению побегов. В течение многих лет ничто не заглядывало под эти неприступные навесы, разве старый ворон, возвращаясь с добычи, тяжело опускался иногда на толстый сук навесов и, каркнув раз-другой-третий, снова взмахивал своими грузными крылами и летел далее. Местами по этим берегам из самой воды поднимались целые группы низкорослых ив. Ивы казались растущими на воде. Местами берега были покрыты сплошной массой высоких и густых тростников, низкого кустарника и сетчатого водоросля. Все это служило хорошим и неприступным обиталищем пернатой дичи, но для пловца представляло тяжелые преграды.

Преграды эти, однако, не пугали поздних пловцов. Они все-таки придерживались берегов и успешно огибали попадавшиеся на пути и густые тростники, и кустарники, и водоросли, и торчащие из воды сучья деревьев. Пловцам, без сомнения, места хорошо были известны.

Пловцы эти были венеды, отправлявшиеся на место недавней казни, чтобы убрать тела своих несчастных собратьев и совершить над их могилами достойную тризну.

В лодках сидело человек двадцать венедов. Венеды были в белых длинных холщовых, наподобие рубашек, свитках, или паневах. Головы их, по обыкновению приеманских венедов,

были покрыты рысьими шапками. В передней лодке, кроме венедов-мужчин, сидели еще две венедские женщины и жрец. Жрец был в синем длинном балахоне с металлическими пуговицами, в высокой конусообразной шапке. Сидя, он покачивал головой и что-то многозначительно шептал. Он был стар, сед, но тучен. Одна из женщин, по-видимому еще очень молодая, была вся покрыта длинной и широкой холстиной. Из-под холстины вырисовывались ее опущенная на грудь голова и сложенные на коленях руки. Другая женщина, старая, худая, с гадливыми чертами лица, сидела рядом с ней, как мумия. Голова ее была окутана цветной холстиной, наподобие чалмы. На груди, на длинном шнурке, висело несколько серебряных изображений: коня, вола, собаки, брони и оружия. Изображения были выкованы из круглых, вроде современных рублей, слитков серебра. Они считались священными и служили эмблемой богатств человека, которые необходимы ему даже и в загробной жизни. Женщина, носившая эти изображения, была не простая женщина. Такую женщину называли Деванича, что значит: божество града ночи. Она, как и жрец, принимала участие во всех торжествах, касавшихся языческих обрядов, особенно роль ее была значительна при погребениях и тризнах. Для божества града ночи выбирали всегда женщину старую и по возможности отвратительную. Ее уважали, боялись, носили ей дары и бегали от нее. Деванича жила одиноко. Она очень хорошо знала, что ее ненавидят, и поэтому сама скрывалась от людей. Деванича всегда жила где-нибудь в трущобе. Посещали ее только те, у кого в доме оказывался покойник, или те, кого постигало какое-нибудь страшное горе. Деваничу считали вещей и думали, что она беседует с чистыми и нечистыми духами, а потому знает, от чего произошло известное несчастье. На Деваниче была длинная белая рубаха, подпоясанная широким поясом, на котором висел широкий короткий нож. Нож этот употреблялся для зарезывания, при погребениях, обреченной девы. Сидевшая рядом с Деваничей женщина под холщовым покрывалом и была обреченная дева.

Плавание венедов продолжалось при общем безмолвии. Только и слышно было легкое всплескивание воды, рассекаемой веслами.

Три лодки двигались одна за другой, гуськом. Взмахивая веслами, венеды, казалось, не торопились на место грозной казни. Взоры их были потуплены. Только один венед зорко смотрел на берега. Венеды опасались встретиться с готами, которые иногда, совершив казнь и зная, что придут убирать тела казненных, ради шуток прятались вблизи и потом перебивали пришедших. На этот раз венедам опасаться было нечего. Готы давно уже усаkali.

Вскоре венеды увидели издали поляну казни. Поляна ярко была освещена месяцем, и на ней явственно виднелись кресты. Лодки врезались в густые камыши и остановились. Один из венедов сошел в воду и, пробираясь камышами по топким кочкам и наростам, тихо вышел на берег и начал, приседая, прокрадываться на поляну. Поляна была тиха. Венед все оглядел вокруг. Готов не было. Были только их страшные следы. Тогда венед снова приблизился к берегу и пронзительно засвистел.

Через некоторое время от берега потянулись и остальные венеды.

Впереди всех шел жрец. За ним шла Деванича. Вслед за ними человек пять венедов несли разные орудия погребения. После всех в сопровождении двух венедов шла обреченная дева.

Вскоре эта таинственная процессия, освещаемая яркой луной, двигаясь молча, как привидения, появилась на самой поляне и там остановилась в безмолвии. Безмолвие ее было торжественно и зловеще.

И здесь жрец был впереди.

Постояв немного, жрец вдруг начал размахивать руками и возопил:

– Смерть! Смерть! Человек – снeдь всего!

Сказав это, жрец опустился на землю и приник головой к траве.

Он не вставал. Венеды в это время разделились. Одни начали снимать с крестов распятых, другие – складывали огромный костер и маленький сруб из тонких бревен, третьи – начали рыть могилу. Только Деванича и обреченная дева не принимали ни в чем никакого

участия. Они стояли отдельно. Дева под своим покрывалом, Деванича со своими символическими изображениями на груди. Вскоре распятые были сняты, сруб был готов, и зажженный костер начал понемногу разгораться. Глубокая могила была тоже готова. Вокруг разгоравшегося костра начали собираться все венецы. Собравшись, они все безмолвно поцеловались, потом начали обрезать волосы свои и терзать свое лицо, чтоб оплакать погибших героев не слезами и воздыханиями, подобно женам, а кровью, как следует мужам.

А один из мужей, терзая свое лицо, говорил в это время:

– Князя наши, великого народа господари, погибли от рук недостойного и проклятого племени готов. Но погибла ли вера наша? Погибли ли венецы, народ, на котором никто не ищет возмездия? Нет, не погибли! А потому мы и почтим достойно героев наших, павших от рук нечестивых, чтобы тем утешить тех, кому еще от рук готов погибнуть должно...

Венецы безмолвно слушали его, и, когда он окончил у костра свою речь, лежавший ниц на земле жрец встал и приблизился к костру. Венецы расступились. Жрец таинственно и тихо начал что-то шептать над огнем. Затем он отправился к срубам. Один из венецов подал ему деревянные изображения богов. Жрец поставил их по сторонам сруба. Другие венецы в это время начали сносить погибших в сруб, где клали их на кучи сложенного хвороста. Все погибшие были внесены в сруб. Тогда к срубам приблизилась Деванича с обреченной девицей. Дева осталась у сруба. Деванича вошла в него и начала покрывать покойников холстинами, заранее для того приготовленными. Потом она вышла и сняла с девицы покрывало. Девушка была молодая, пригожая. На ней были золотые поручни и крупное янтарное ожерелье. Девушка эта, называвшаяся обреченной девицей, сама вызвалась погибнуть в срубе вместе с одним дорогим ей покойником. Когда у славян умирал кто-нибудь, тогда спрашивали у его родных, близких и челядинцев: кто желает умереть с господином? По большей части вызывались на смерть девушки. Вызванная на смерть девушка до дня погребения, сопровождаемая двумя подругами, всегда угощалась, пела и радовалась, что ей суждено погибнуть за дорогого господина. Такова была и эта несчастная венецкая девушка. Она вызвалась погибнуть за своего любимца, князя Болемира, распятого вместе с другими на береговой поляне Немана. Она была княжна и готовилась быть невестой Болемира. Покидая ее, Болемир сказал: «Я иду искать свободы для моей родины; если я погибну, невеста моя, погибни и ты на моем трупе: ты мне всюду будешь дорога». Девушка, целуя полы кафтана отъезжающего жениха, обещала исполнить его волю и сдержала свое девичье слово. Она первая вызвалась погибнуть на трупе своего любимого князя.

Поставив около сруба изображение богов, жрец, глядя на сруб, начал выкрикивать одному ему известные заклинания.

После них три дюжих венеца начали перед срубом поднимать на руках обреченную девушку. Они поднимали ее три раза.

В это время девушка громко и отчетливо говорила:

– Вот вижу я моего отца и мать мою. Вот вижу я всех моих предков. Вот вижу я моего господина: он восседает в светлом, цветущем вертограде, зовет меня! Пустите меня к нему!

Перестав поднимать обреченную, венецы подвели ее к срубам. Она сняла поручни и ожерелье и отдала их старухе Деваниче.

В это время некоторые из венецов взяли щиты и палицы. Один из щитоносцев налил чашу меду и подал девушке.

Девушка выпила и проговорила:

– Прощаюсь со всеми: с милыми и с дорогими!

Потом подали ей другую чашу.

Она выпила и запела протяжно что-то необыкновенно грустное.

Во время пения Деванича ввела девушку в сруб. Едва только они скрылись в срубе, как венецы сильно ударили в щиты. Это делалось для того, чтобы не особенно громко слышен был голос зарезаемой девушки. В срубе ее зарезала старуха.

Войдя в сруб, Деванича быстро схватила девушку за волосы, опрокинула голову ее назад и шарахнула по горлу ножом. Несчастная начала биться и кричать. Старуха нанесла ей другой удар. Кровь девичья хлынула на хворост, на трупы, а сама она упала на близлежащее тело. Вытерев ее рубахой окровавленный нож, старуха хотела уже выйти из сруба, как вдруг испуганно остановилась и приросла к земле. Тело, на которое упала девушка, начало шевелиться под покрывалом и подниматься, и старуха услышала мужской голос: «Пить! Пить!»

Быстро выбежала она из сруба и закричала:

– Жив кто-то! Пить просит!

Звук ударов в щиты смолк. Двое венедов с зажженными лучинами в руках кинулись в сруб.

Только что зарезанная девушка, истекая кровью, лежала без движения. Но возле нее лежало другое тело с открытыми глазами. Едва заметно двигал лежащий одной рукой, как бы силясь приподняться, и шевелил губами, на которых виднелась черная запекшаяся кровь.

Вбежавшие венеды узнали в ожившем своего князя Болемира.

– Болемир! Болемир! – закричали они.

В сруб вошли еще несколько венедов. Один из них внес в чаше воду. Осторожно омыл и омочил он водой губы князя и влил ему в рот несколько капель воды. Князь тихо вздохнул и шевельнулся всем телом.

– Жив, жив, – радостно шептали между собой венеды. Князя осторожно положили на полотно, вынесли из сруба и понесли к лодкам.

Пересмотрели и других распятых: нет ли живых. Но все остальные были так истерзаны, что на теле их не оставалось ни одного места без смертельных ран.

Прерванный обряд погребения начали продолжать.

Жрец взял пук лучины, зажег ее у костра, приблизился к срубам и, восклицая: «Мара! Мара!», зажег его.

Потом то же сделала Деванича.

За нею и все прочие подходили с огнем к срубам и бросали его туда.

Быстро загорелся сухой хворост, за ним вспыхнул сруб, а затем и все покрылось ярким пламенем: и сруб, и покойники, и зарезанная девица.

Целую ночь горел сруб, пуская во все стороны искры и густые столбы дыма.

К утру все превратилось в золу.

Венеды собрали эту золу, уложили ее в тридцать девять горшков и зарыли их в могилу вместе с грудами мечей, остовами нескольких убитых тут же коней, собак, вместе с другими мелкими украшениями конской сбруи и княжеской нарядной одежды...

Через несколько дней на месте погребения князей венедских высился уже высокий свежий курган и на нем тяжелый круглый камень, окруженный тремя рядами низких широких каменных столбов...

Сурово смотрели эти серые каменные глыбы на окружающую их цветущую поляну, на могучий бор, на берега Немана...

Журчал и плескался Неман по-прежнему, могучий бор по-прежнему смотрелся в его светлые, невозмутимые, как и прибрежные леса, воды, но печальна уже была цветущая поляна – она была обагрена кровью, была местом пыток, казни, была страдальческим кладбищем...

Глава IV. Пробуждающаяся сила

Болемира принесли в хижину Будли.

Князь находился в совершенном беспамятстве, когда его уложили в уютную и мягкую постель, которая состояла из мешка, набитого медвежьей шерстью и покрытого рысьим мехом. Достаточные венеды вообще устраивали подобного рода постели.

Юрица, Аттила и сам старый князь Будли начали ухаживать за больным. Больше всех хлопотала Юрица. Как только больного уложили в постель, она своими маленькими ручонками обмыла раны князя, sprysнула его лицо, грудь и ноги настоем из душистых трав, покрыла белой легкой холстиной и села у его изголовья, ожидая, когда больной князь очнется. Целую ночь просидела она над больным, не смыкая своих голубых очей. К утру больной начал бредить и шевелиться. Обрадованная Юрица чутко начала прислушиваться к словам больного, надеясь уловить в них его желание. Но о чем бредил больной князь, разобрать было трудно. Юрица снова омыла его раны и снова sprysнула настоем из душистых трав. Такое немудреное лечение, по-видимому, освежило князя. Князь открыл глаза. Но они у него были такие бесцветные, такие безжизненные, что робкая девушка, заглянув в них, даже испугалась. Она не выдержала их полуоткрытого, мертвенного взгляда, отскочила от княжеской постели и, боязливо взгладывая по сторонам, прижалась к стене. Глаза князя не закрывались, и Юрице показалось, что они еще более расширяются и как будто хотят выскочить из-под густых княжеских бровей. Юрица окончательно испугалась и убежала вон. Старый князь с внуком находились в отдельной клетке, куда они перебрались, чтобы не беспокоить больного Болемира. Девушка кинулась в клетку. Будли с внуком Аттилой еще спали. Юрица прежде всего начала будить брата, который, разметавшись, спал на полу клетки.

– Братец! – будила Аттилу Юрица. – Встань, голубчик, поднимись! Погляди, какие у хворого князя страшные очи.

Но братец спал крепко. Как ни толкала его в бока и в грудь маленькая ручонка девушки, но Аттила не просыпался. Расталкивание, казалось, еще более убаюкивало его. С открытой грудью, с покрасневшими щеками он, видимо, услаждался каким-то чарующим сновидением.

На голос Юрицы проснулся старый князь.

– Кто тут? – спросил он спросонья.

– Я, дедушка.

– Что тебе?

– У хворого князя очи открылись.

– Ну что ж... Ладно...

– Ах, дедушка... Очи такие страшные... Я убежала...

Старый князь заворочался, закричал и начал подниматься.

– Что ты, внучка, что ты! Подь сюда.

Юрица подошла к дедушке. Старик поцеловал ее в голову и погладил.

– Побуди братца. Пойдем к хворому. Коли очи открыл, стало – оживет. Побуди.

– Да он не встает, дедушка. Я будила.

– Побуди. Встанет.

В это время начавший было что-то бредить Аттила вдруг вскрикнул, проснулся и быстро привстал, пугливо оглядываясь по сторонам.

– Внучек! Аль ты пробудился? Поди скорей с Юрицей к хворому князю. Ожил.

Аттила, не торопясь, встал и накинул на себя свитку. Постояв немного, он потер себе рукой лоб, как бы припоминая что-то тяжелое, давящее, и обратился с вопросом к Будли:

– Тут, дедушка, готов не было?

– Какие готы! Зачем сюда придут готы!

– Я видел, дедушка, готов. Они били меня, заковали в цепи и хотели распять на кресте.

– Тебе все это привиделось, внучек. Кровь-то молодая – сны в голову и лезут. Поди-ка вот к хворому князю. Юрица одна боится с ним быть.

– Ах, боюсь! Дедушка, и ты поди с нами.

Все трое, Будли, Юрица и Аттила, вошли в изобку, где лежал Болемир. Больной в это время не только лежал с открытыми глазами, но даже как-то странно приподнялся и старался привстать на постели. Увидав больного князя приподнявшимся, Юрица и Аттила остановились в изумлении. Слепой Будли не видел больного и, предполагая, что он все еще находится в бессознательном состоянии, проговорил:

– Ох, кабы очнулся князь.

– Да князь встал, дедушка, – проговорили и Юрица и Аттила вместе.

– Встал... да... где мы?.. – простонал больной, очевидно находившийся в полусознании...

– У Будли, у Будли! – вскрикнул радостно старый князь. – У Будли!

– У Будли?.. – не то удивился, не то обрадовался больной, и лицо его, казалось, просияло. Бледные губы вздрогнули, в глазах промелькнул едва заметный блеск, на впалых щеках показался легкий румянец, который сейчас же исчез, заменившись изжелта-сероватой бледностью.

Видно, больному князю стоило немалых усилий приподняться и проговорить несколько слов, потому что он после этого как-то сразу упал на постель, закрыл глаза, тихо простонал и побледнел еще более.

Юрица, успевшая уже оправиться от своего испуга, первая подбежала к нему и начала поправлять его голову, которая при падении склонилась на сторону. Брат ее окутывал холстиной ноги больного. Старик Будли стоял на одном месте, уставив свои безжизненные глаза на то место, где стояла постель.

– Что, внучата? Что с князем-то? – спрашивал он у них, чуя, что они над чем-то хлопочут.

– Ничего, дедушка, лег, – отвечала ему шепотом Юрица.

– Ох, кабы ожил князь, ладно было бы нам, – говорил Будли. – Ладно было бы. У нас только одного князя и недостает, чтобы идти на поиски новых мест. Только одного и недостает. Оживет он – оживет племя наше венедское. Болемир храбрый князь.

– Оживет, дедушка, я знаю, – говорила Юрица. – Я буду день и ночь сидеть над ним, дедушка, и он оживет. Вот сегодня я целую ночь просидела над ним, и он поднялся. Оживет, родной, право, оживет.

– Ох, кабы ожил! – вздохнул старый князь.

Аттила все время молчал почему-то. Видимо, что-то бродило в его голове и созревало. Не по летам серьезный и суровый, он, занятый своими мыслями, казалось, не обращал на все окружающее ни малейшего внимания. Юрица, несмотря на унылую обстановку изобки, где лежал больной, при взгляде на своего сурового братца едва удерживалась от смеха. Молодой резвушка, не знавшей ни жизни, ни людей, ни тех чудовищных тайн природы, которые даже в младенца кладут задаток мыслей и величия, казалась странной и смешной суровая задумчивость брата, который лет на восемь был моложе ее. Аттила на сестрины улыбки с достоинством отмалчивался и по-прежнему оставался невозмутимо-задумчивым.

К полудню в изобке Будли собралось несколько венедов. Обрадованные известием, что Болемир вставал и даже проговорил несколько слов, – что подавало надежду на его выздоровление, – они порешили, когда он оправится, поручить ему выселение венедов к Понтийскому морю, в степи Приднепровья.

Погоревав о погибших собратьях, венеды разошлись.

В тот же самый день с берегов Немана во все края венедской земли, к Висле, к Балтийскому побережью, на полночь, вплоть до поселений Курон, поскакали тайные гонцы с известием о выселении: в Галлию, к Понтийскому морю и на полночь, за море. Гонцы должны были обскакать города, веси, вообще все поселения и места, где только ступала нога венедо-славянина, объявить имена предводителей: Радогоста, Олимера и Болемира и внушить народу необходимость выселения.

Выполнить это было не трудно, потому что угнетаемый готами народ давно уже ожидал чего-то и даже роптал на своих, оставшихся в живых, князей за то, что они для спасения его не принимают никаких мер. Всякая мера для народа была хороша и выполнима, а тем более – выселение. Перед глазами венедов были примеры выселений, которые избавляли народ от гнета победителей и неурожаев земли лучше всяких жертвоприношений и даже общих восстаний на своих врагов.

Вскоре все населения венедские, малые и большие, города и веси знали о решении тайного сборища. Сельбища венедские закипели, как муравейники. Начались сборы к выселению. Сначала сборы производились тайно, но потом мало-помалу они начали производиться слишком даже явно. Все делалось на глазах готов, которые сначала недоумевали, не понимая значения этого домашнего, вовсе не угрожающего им движения, но потом, когда они узнали причину его, начали принимать свои обычные меры к прекращению выселения. Но меры их ни к чему не привели. Это была не сила, стоявшая на поле битвы, где брало верх превосходство силы над силой и где одна из сил совершенно изнемогала или исчезала. Нет, это была другая сила: сила беспрерывного наплыва.

Терпеливо и с любовью начала ухаживать Юрица за хворым князем. Она следила за каждым его движением, за каждым вздохом, предупреждая малейшие его бессознательные, как больного, желания. Болемир, однако, выздоравливал медленно. Только через две недели после того, как его принесли в хижину Будли, он пришел в сознание.

Это было рано утром, когда Юрица только что обмыла его лицо теплой водой и приложила к его ранам какие-то снадобья, доставляемые ей старой Деваничей. Снадобье это заметно помогло князю.

Сидя у распахнутого окошечка, в которое назойливо врывается и свежий вешний, пропитанный запахами трав и деревьев ветерок, и голос иволги, усевшейся на соседней липе, и торжественный, как бы сдерживаемый кем-то шум могучего бора, – Юрица мурлыкала про себя песенку, ежеминутно оглядываясь на лежавшего без движения князя, который, казалось ей, спал еще.

Но князь уже не только не спал, но даже и очнулся от того болезненного забытья, которое томило его со дня ужасной казни: сознание начало понемногу работать в его голове.

Не открывая глаз и не шевелясь, прислушивался князь к любовной девичьей песне Юрицы и понемногу, сначала смутно, потом все яснее и яснее, стал понимать ее; голос песни показался ему знакомым: он слышал его где-то и когда-то, но это было давно, очень давно, как будто тогда еще, когда он был маленьким и бегал по хмурым лесам своей родины, отыскивая беличьи гнезда.

Князь начал припоминать: когда и где он слышал подобную песню. Кто ему пел ее? И кто теперь поет?

Но в голове у него все путалось, мешалось, и он никак не мог припомнить, кто и когда напевал ему такую песню, да и кто теперь поет – тоже не знает; но как будто видит, откуда исходят эти успокаивающие его звуки...

Он видит еще поле: на поле тихо и глухо бегают тени – не то людей, не то каких-то длиннокрылых птиц, не то кресты передвигаются с места на место; кругом дремучий бор, густой, высокий, темный; а вблизи где-то как будто ручей журчит... Князю хочется отыскать этот таинственно журчащий ручеек, он силится шагнуть к нему, но ноги его вдруг повисли в воздухе, а кто-то сверху сильно, до боли, схватил его за руки... Князь хочет крикнуть, позвать кого-нибудь на помощь, но язык его не ворочается; в это же время его что-то начинает качать в воздухе, все сильнее, сильнее и вдруг – его куда-то кинуло и больно придавило. И чувствует он, что начинает задыхаться, в глазах блещут огни, искры, цветные круги, а вокруг – все стучат, все стучат... Кто?.. где?.. он разобрать не может... Тут уж он как будто подбежал к ручью, глотнул несколько капель холодной воды и успокоился; только в ушах его долго-долго гудело

что-то, не то стон, не то плач с завываниями, не то шум отдаленной битвы. Потом стон этот, плач и гул начали постепенно смолкать, делаться все тише и приятнее и наконец превратились в тихую любовную песню, которую теперь поет кто-то; слова песни и напев знакомы ему, любви, глубоко западают в его душу, и он хочет, чтобы она, песня эта, не смолкала...

Но кто же поет ее?... Где он теперь?..

Князь начал припоминать, где он, почему он лежит, но и этого не мог припомнить; в голове его было смутно, тяжело, ему казалось, что он только что вышел откуда-то, где его держали в темноте, но как долго – не знает. Время это как будто кануло куда-то, исчезло навсегда, и он снова начал оживать. Из этого темного времени у него в уме только и осталось одно слово: «начинай». Остальное все странно, смутно, непонятно...

Что же это такое?..

А песня все льется и льется, как будто ей и конца нет.

Кто же это поет? Где?

Князь поднял отяжелевшие веки, и глаза его встретились с другими глазами; кротко и ясно смотрели они на него и словно о чем-то спрашивали. Крупные, ясные, с длинными ресницами, они, чудилось ему, обдавали его, как солнцем, своими лучистыми взглядами. Сначала князь видел одни только эти глаза, но потом он рассмотрел и русую маленькую головку. И хорошо ему было смотреть на эту русую маленькую головку и на эти крупные ясные очи...

– Кто ты? – спросил князь, впившись взорами в это стоящее перед ним прекрасное видение.

– Юрица, – слышалось ему в ответ, – внучка Будли, старого князя. Ты у нас.

Князь молчал.

Но он хорошо знал старого князя Будли, отпустившего его на бой с поработителями родины; он даже помнил ту минуту, когда старый князь, впиваясь в него своими безжизненными глазами, как бы хотел постигнуть его сокровенные мысли, измерить силу его воли для предстоящей борьбы, и потом, тихо положив на его голову старческую свою руку, знаменательно проговорил:

«Мы погибнем, но дети наши, славяне, создадут великое царство и будут великим народом. Прольем же для детей наших кровь свою, дабы они польстились нашим примером и не забыли нас!»

Слова старого князя глубоко запали в душу Болемира.

Поднимая восстание против готов, Болемир шел на верную смерть.

Мысли Болемира при этом воспоминании вдруг прояснились: ему стало понятно, почему он так долго находился в забытии, чувствовал боль в руках, ногах, в груди и почему в голове его проходили такие странные, подавляющие душу мысли и виды.

Болемир знал готскую расправу: он был распят.

Но по какому же случаю он жив? Кто спас его? Неужели старый князь Будли? Или еще кто-то: та, которая сейчас говорила с ним, пела ему такую сладостную песню и склоняла над ним свою русую головку с большими ясными очами?

Но князь не помнит ее... И жаль ему стало, что он прежде не знал этой русой головки, и почему-то досадно, что, глядя на нее, перед ним невольно восстал другой образ, менее прекрасный, но более близкий ему: князь вспомнил о своей невесте...

«Где же она теперь? – мелькало в голове князя. – Зачем она не подле меня?..»

А русая головка все стоит над ним, а ясные очи все глядят на него.

– Может, ты хочешь чего? Скажи – я принесу, – заговорила Юрица, которой сделалось жутко от пристального на нее взгляда хвораго князя.

Князь как бы понял испуг девушки, закрыл глаза и тихо, с расстановкой, проговорил:

– Что же ты не поешь? Пой... Мне хорошо...

Невыразимо приятно сделалось Юрице от этой незначительной и почти бессознательной просьбы Болемира; она вся, неизвестно почему, вспыхнула, застыдилась и робко посмотрела на дверь.

У дверей никого не было, но ей показалось, будто кто-то подглядывает за ней. Сердце ее между тем билось, как пойманная птичка.

Радостная, смущенная, Юрица села подле князя и запела свою прежнюю песню, но не так тихо и бессознательно, как прежде; она запела ее, стараясь в глубине души своей нравиться князю.

Перестав петь, Юрица глядела на князя, как бы ожидая от него какого-то слова.

Князь молчал, даже не открыл глаз своих, но Юрица поняла князя: лицо князя выражало неизъяснимое удовольствие. Всегда, как у больного, изжелта-бледное, худое, страдальческое лицо его вдруг как будто просияло: легкий румянец покрыл его, края губ сложились в приятную улыбку, подбородок дрогнул...

Вскоре Болемир совсем оправился: он начал вставать и ходить.

Радостно встретил выздоровление его старый князь Будли.

В хижину Будли, на поклон к ожившему, приходили уже и другие венеды, и между ними часто велись долгие беседы, касавшиеся выселения.

Болемир слушал всех, давал клятвы исполнить волю народную и только ждал, чтобы совсем оправиться и двинуть народ к Понтийскому морю, где в то время тоже преобладали готы, переселившиеся туда около 189 года по Р. Х.; но еще много оставалось незаселенных мест, по которым блуждали разные кочевые народы, выходцы из Азии и закавказских земель.

Было положено взять Киев, город на Днепре, и основать там столицу венедскую.

На советы стариков каждый раз пробирался и внук Будли, Аттила.

В то время когда старики, усевшись в кружок, вели свою тихую беседу, передумывали, вспоминали, раскидывали умом-разумом, как делу лучше быть, – Аттила забирался в угол хижины и жадно прислушивался к речам стариков.

Старики по ходу разговоров часто вспоминали о притеснениях своих гонителей, готов, проклинали это, невесть откуда явившееся племя, которое не имело ни родины, ни доблестных вождей, вторгалось всюду нежданно-негаданно, все било, резало, рушило и утверждало свое владычество с помощью жестокостей.

И отрок Аттила видел, как старики, сами на себе испытывшие эти жестокости, содрогались при этом и в сотый раз давали клятвы: или погибнуть, или освободиться из-под гнета страшилищ. Отрок видел, как его дедушка поднимал при этом старческую, дрожащую руку, падал на колени и заклинал всех, заклинал своей родиной, детьми, женами, отцами, братьями, сестрами и всем дорогим для каждого исполнить данное ими обещание.

Старики клялись.

Слушая все это, у Аттилы, в его еще детском существе, тоже закипала вражда к неведомым пришельцам, и он тоже давал себе клятвы, когда подрастет, жестоко преследовать готов. К тому же часто упоминалось и имя его отца, Мундцука, который погиб в борьбе с готами, и имена его родных, погибших или на крестах, или в неволе у готского короля Эрманарика.

Говорили старики и о том, как их отцы вооруженной рукой вытеснили когда-то готов из своей земли, и они должны были уйти от них на Днестр, где они снова усилились, воевали с римским императором, Каракаллой, Севером, покорили Дацию, Тавриду, переправились за море, возвратились оттуда и вдруг нежданно-негаданно снова покорили их, венедов, утвердились между ними, и вот уже более ста лет короли их не знают предела своим жестокостям против венедов, которым мстят за одержанную ими когда-то победу.

Маленький Аттила задумывался и спрашивал себя:

«Отчего же венеды теперь не могут прогнать от себя готов?»

Когда же он оставался с дедом наедине, то и ему задавал этот вопрос.

Старый князь молчал и печально покачивал головой: старик тоже не мог разрешить ему такого мудреного вопроса.

Однажды Атилла, улучив минуту, спросил даже о том и у Болемира.

Странно посмотрел Болемир на внука Будли, долго сидел молча, потом взял его за руку и привлек к себе.

– Ты хочешь знать, дитя, отчего мы теперь слабы и не можем победить наших гонителей?

– Отчего, скажи?

– Оттого, – ласково говорил Болемир, – что у нас нет хороших предводителей.

– А ты?

– Я не хороший: я не умею побеждать. Я вот хотел было выгнать из нашей родины готов, да не смог. Они поймали меня, а вместе со мной и других князей и распяли нас. Я вот только один и остался жив.

– Так кто же их прогонит, скажи?

– Ах, дитя, дитя! Многое ты хочешь знать! Ты хочешь знать то, чего и мы, люди рослые, не знаем.

Атилла потупился и покраснел; досадно стало ему, отчего это никто ничего не знает.

Глядя на Атиллу, Болемир как будто понял невзгоду, закипевшую в детском сердечке Атилле, потрепал его по плечу и заговорил не тем уже тоном, которым он прежде говорил, как бы подделываясь под его детские понятия, а заговорил тем тоном сурового мужа, который вполне чувствует свои силы и рассчитывает на верную победу. Князь понял, что перед ним стоит не отрок, а юноша, в голове которого бродят достойные мысли и достойные вопросы.

– Я побью готов, – говорил Болемир, – я выгоню их из нашей земли и пойду дальше. Я буду громить Рим, буду громить фракийцев! И Рим и фракийцы – враги наши. Они всегда оттачивали на нас свое оружие и считают нас не людьми, а зверями дикими, которых и бить можно, как зверей диких. Не мы звери – они звери. Мы не бегаем за чужим добром, мы не грабим соседей наших, не берем их жен и дочерей в рабство. А они? Они все это делают и хвастаются, что они первые люди в мире. Изнеженцы они, а не первые люди! Им золото нужно, рабы, безумные женщины, дети для растления и кровь человеческая на арене цирка. Они травят людей зверями и рукоплещут стонам человеческим! Безумцы! Забыли они, что всему бывает конец. Придет конец и их безумию. Я вразумлю их. Я напому им, что есть люди, есть целые народы, которые не золотом и не дворцами своими сильны, сильны волей, благоразумием и желанием мира. Зачем все они поработили нас? Зачем они отняли богатство наше – земледелие и наши янтарные промыслы? У них ли своего золота мало? Нет, не мы звери – они звери! Я им напому обо всем!

Увлеченный своими мыслями, Болемир забыл, кто перед ним стоит, а обращался к Атилле, как к равному себе витязю, испытанному в боях.

– Да, я им напому обо всем! Я всех за собой поведу! Как стая воронов поднимается над издыхающим в поле конем, так и мы поднимемся над издыхающими нашими врагами! Мы всех заключаем! Все наше будет! И готы, и Рим, и Византия, и земли малоазийские! Если мы этого не сделаем, то племя наше или совсем будет уничтожено, или мы будем у них вечными рабами. А кто из нас предпочтет достойную смерть низкой неволе!

– Никто! – утвердительно сказал Атилла, сверкая своими детскими выразительными глазками.

Болемир измерил храбреца взглядом и хотел улыбнуться, но улыбка почему-то застыла на его губах. В этом детском «никто» Болемиру почудилось нечто знаменательное, даже угрожающее; что-то как бы роковое и как бы грозное прозвучало в этом коротком слове, произнесенном стоящим перед ним невзрачным, некрасивым существом. Сколько в нем было твердости, сколько самоуверенности!

Болемир еще раз посмотрел на Аттилу внимательно. Аттила стоял уже с потупленным взором, запустив правую руку за пазуху; он как будто удерживал порывы своего сердца и думал о чем-то.

«Нет, я еще хвор, – промелькнуло в голове Болемира, – что мне такое почудилось! Мне почудилось, будто отрок сей станет страшилищем всего рода человеческого».

– Возьми меня с собой, князь, когда пойдешь к морю, – заговорил между тем Аттила, – я всюду за тобой ходить буду. Я не оставлю тебя.

– А на кого же ты деда покинешь? – спросил князь.

– А ни на кого. Дед и без меня проживет.

– А он незрячий.

– Юрица его водить будет.

При имени Юрицы в сердце Болемира колыхнулось что-то приятное и вместе с тем жуткое.

«Где она теперь? – подумал князь. – Она в последнюю пору точно боится меня: все убегает, как увидит, и прячется».

– Что же, пойдём? – допытывался Аттила.

– Пойдем! Все пойдём! – крикнул вдруг, как бы озлившись на что-то и на кого-то, Болемир.

Крик этот, наверное, Аттила почел совершенно естественным, потому что стоял перед Болемиром, как и прежде, гордо, невозмутимо.

А на Болемира при мысли о Юрице нахлынуло целым потоком чувство страшного одиночества и горькой тоски. Цели родины, о которых он только что говорил, как будто отодвинулись куда-то на задний план и не имели для него никакого значения. Болемир видел одного только себя и чувствовал одно только свое одиночество, которому нужен был какой-либо исход, какое-либо забытие. Но какое, он еще не угадывал...

– И я пойду? – держался своей прежней мысли Аттила.

– Пойдешь и ты! – махнул рукой князь.

– Коли так, так я буду собираться, – сказал юный храбрец и оставил Болемира одного...

Глава V. Кукушка-вещунья

Загрустила, запечалилась Юрица...

Отчего?

Всегда резвая, веселая, хохотунья на весь лес, она вдруг присмирела: нигде ее не видать, нигде ее не слышно, точно заворожил кто Юрицу.

Смирная, робкая, девочка с раннего утра убегает в лес и сидит там где-то, как зверек какой-либо.

Что с ней?

Допрашивал дед, допрашивал братец, допрашивала старушонка, домоводка княжеская, – никому ничего не говорит Юрица, молчит да глядит на вопрошающих тоскливыми очами.

Подойдет старушка и разжалобится:

– Дитяtko ты мое, дитяtko! Горькое ты мое, сиротливое! И какая такая напасть на тебя!

Стоит Юрица перед старушонкой и точно вглядывается в ее морщинистое, маленькое лицо, стараясь разгадать, правду ли говорит она и для чего говорит?

А сама все молчит.

Тем временем старушка глядит-глядит на Юрицу да и расплчется, причитая что-то ни для Юрицы, ни для нее самой непонятное.

Постоит Юрица и уйдет, точно и не о ней речь шла: такая сделалась странная.

Подойдет братец.

– Юрица, ты чего? – спросит он угрюмо.

Прежде, бывало, Юрица, хохотунья и резвушка, сейчас рассмеется над братцем, а теперь как будто боится его: стоит, молчит...

Братец был неразговорчив и не любил тратить попусту слов; не отвечали на его вопрос, он и не спрашивал более.

Старый князь Будли тоже о грусти-тоске расспрашивал внучку.

Раз он спросил:

– Старушка говорит: хвора ты. Правда ли, дитяtko?

– Нет, дедушка, я ничего.

– То-то гляди, ничего... Да не верится мне что-то. Не вижу я тебя, а чуется мне – нехорошо тебе. Уж не испугалась ли чего? Мы тут собираемся, о войне толкуем, о переселении, кричим, галдим: может, боязно?

– Ах, нет, дедушка, не боязно.

– Да ты не пугайся. Мы тут останемся, мы никуда не пойдем. Куда нам! Да и не покинешь ты меня, внучка, старика хворого.

– Ах, не покину, дедушка!

– Вот братец пойдет. Вот Болемир пойдет. Болемиру идти надобно, он князь мудрый, храбрый. Он много венедам добра сделает, он спасет нас от готов... Ох, тяжело, тяжело, дитяtko, жить под началом готов! Мне-то что! Мне ничего! Я человек старый, хворый, не сегодня завтра помру, да другим-то, дитяtko, каково! На других, как на волах, готы землю пашут, детей их продают в неволю... Ох, нехорошо им, дитяtko, нехорошо! А Болемир спасет их... Он поведет всех недовольных в далекие края, где много земли, много воды, много пастбищ. Там им лучше будет. Готы уже не будут повелевать ими так, как здесь повелевают. А мы с тобой тут останемся. Нам незачем идти, дитяtko. Мы и тут век свой доживем. А ты не покинешь меня.

Сказав это, старый князь погладил молоденькую внучку по головке и поцеловал ее.

– Да, не покинешь, Юрица?

Вместо ответа Юрица вдруг зарыдала.

Припав маленькой своей головой на плечо старого князя, она рыдала глухо, неудержимо.

Измучился старый князь, отчего вдруг завyla девочка? Никогда с ней ничего такого не было.

Покуда Юрица рыдала, всхлипывая чисто по-детски, и прижималась к исхудалому лицу дедушки, – дедушка упорно молчал. Брови его надвинулись, лицо изображало душевное расстройство. Знать, неведомое ему горе девичье глубоко тронуло его.

Выждав, когда Юрица приутихла, выплавав первые порывы своей сердечной девической скорби, Будли кротко, ласково заговорил с ней:

– Дитяtko, аль неможется тебе?

Юрица не вдруг ответила, она не знала, что сказать дедушке. Немощи у нее не было, напротив, ей даже как будто было хорошо, когда она плакала у дедушкиной груди. Что-то смутное, жгуче-доброе, очнулось у нее в это время под сердцем и опять улеглось там, как спокойное, пригоженькое дитя укладывается в мягкой постельке, под покровом любящей его матери.

Юрица только и сказала:

– Ах, дедушка, дедушка!

Старый князь, казалось, в это время обдумывал что-то или догадывался о чем-то: странно двигались его безжизненные глаза, и бледное морщинистое лицо часто передергивалось едва заметной судорогой.

Помолчав немного, тихо, едва слышно, Будли спросил внучку:

– Юрица, дитяtko, скажи: люб тебе князь Болемир?

Юрица, ничего не отвечая, нервно вздрогнула и еще сильнее прижалась к плечу дедушки.

– Чего ж ты молчишь? Скажи, не бойся.

– А ты почему же знаешь, дедушка, что люб? – спрятав свое лицо, кротко спросила девушка.

– Как почему знаю?

– А почему? – будто уже заигрывала с дедушкой юная красавица.

– А потом же знаю, что знаю!

– Вот и неправда, дедушка! Мне Болемир вовсе не люб.

– Ох, ты белка-резвушка! – начал ласкать внучку успокоившийся вдруг старый князь. – Ну что же, коли люб, и ладно. Это хорошо. Пусть люб. На то ты и девонька, чтобы между храбрецов красавца себе поизволить. А я думал что другое. А коли только это – не беда.

– А может, и беда, дедушка.

– Какая же?

– А меня князь поизволит ли?

– Вишь, заговорила про что! Такую пригожую, да не поизволить?

– А нешто я пригожая, дедушка?

– Вестимо, пригожая.

– А ты нешто видишь, какая я?

– Теперь не вижу, а прежде видел.

– Э, дедушка! Я с той поры, как ты меня видел, совсем переменялась...

– Неужто?

– Рябая такая стала, морщинистая, боязно смотреть, право...

И Юрица, быстро поцеловав раз-другой старика, рассмеялась звонко-звонко и неудержимо и убежала...

«Девке молодец желанен», – подумал старый князь.

А громкий смех Юрицы слышался уже на дворе, где-то за изобкой, который потом сменился веселой, несмолкаемой девичьей песней...

В тот же день старый князь Будли говорил с Болемиром.

Болемир совсем оправился, нашел в хижине Будли груды всякого оружия и выбирал себе по руке деревянный щит.

Деревянный щит, стрелы, секира, клевец, молот, двусторонний топор с короткой рукоятью – оружие, которое употреблялось венедами, и вообще славянами, на войне. Конница довольствовалась щитами и двусторонними топорами, которыми сражались с руки и от руки. Топор этот носили при бедре, как меч, рубили им и бросали в неприятеля. Молот тоже, кроме рукопашного удара, кидали во врага.

Клевец назывался еще чеканом (отсюда и слово – чеканить). Пехотинцы метали преимущественно в неприятеля стрелы, и ставились они в большинстве случаев впереди. Щит признавался чем-то священным; его украшали цветистыми красками, и бросить на поле битвы свой щит почиталось величайшим бесчестием, лишаящим права присутствовать при жертвоприношениях. Многие из переживших войну не переживали этого бесчестия и вешались.

Когда старый Будли вошел к Болемиру, Болемир любовался только что выбранным по руке тяжеловесным дубовым щитом, на котором довольно грубо была вырезана дубовая ветка и по вырезанному месту раскрашена ярко-зеленой краской.

Болемир взвешивал щит и примерял его к плечу.

– Вот этот будет по мне, – говорил он сам себе, – я с ним далеко уйду.

Примеряя щит, Болемир и не заметил, как вошел старый князь.

– Князь, ты тут? – окликнул его Будли.

Болемир обернулся:

– Тут, батька, тут.

– А коли тут – ладно. Коль стоишь – садись и слушай, что я тебе скажу, князь.

– Я стою, батька. Нашел я по руке щит и люблюсь им. Добрый щит!

– А какой?

– Дубовый и с дубовой же веткой на нем.

– Знаю, знаю. Славный щит! Это щит сына моего, Мундцука, который погиб в битве с готами на Висле. Один воин, не желая обесчестить князя, сраженного вражьем топором, вырвал щит из рук убийцы и принес его ко мне. Что ты, не видишь на нем, князь, крови?

– Нет, крови не видно.

– А была. Весь цветок был обрызган кровью, вражьей ли, сыновней ли – не ведаю. Знать, время стерло ее.

– Я его возьму, батька.

– Возьми, возьми, князь. Да послужит он тебе залогом победы над врагами нашими. Да поднимут тебя воины твои на щит этот, как достойного его. Где он? Дай мне осязать его.

Старый князь ощупал щит и проговорил:

– Сыновний, сыновний щит. Узнаю его.

Старик сел, сел и Болемир, положив осторожно на лавку облюбованный щит.

– Ну, теперь мы будем говорить о другом, – начал Будли.

– Говори, батька, слушаю тебя.

– Ты теперь не хвор, князь?

– Нет, не хвор.

– Это хорошо. Коль человек не хвор – хорошо. Хворый о хвором и думает, а здоровый о здоровом. А мы только и ждали, чтобы ты здоров стал.

– Здоров, батька, здоров.

– Все сделано, все начато. Вестники уже поскакали во все концы венедской земли, чтобы возвестить о переселении. Народ уже забурлил: шумит, кричит, собирается. Мне обо всем известно. Пора, князь, подниматься и тебе.

– Я готов.

– А другие: Радогост и Олимер?

– Поднимусь я – поднимутся и они.

– Скорей бы, скорей бы, Болемир.

– Что ж, батька, я готов хоть завтра же идти к жертвенному костру.

– А завтра так завтра. Чем скорей, тем лучше. Теперь скажу тебе, Болемир, о другом.

– О чем, батька?

– Болемир, гляди на меня прямо, – и старик поднял на Болемира свои безжизненные глаза. Казалось, что он и сам хотел заглянуть в душу Болемира.

Болемир несколько смутился. Странное чувство подсказало ему что-то такое, чего он давно уже ожидал.

– Глядишь? – спросил его старик.

– Гляжу, князь, – ответил Болемир и обманул старика.

Почудилось Болемиру, что безжизненные глаза Будли видят его насквозь, и он потупился.

А Будли начал:

– И не след бы говорить о том, о чем я хочу говорить, не время теперь, да уж что делать – скажу. Может, и тебе от того не худо будет.

Болемир чутко слушал старика.

– Вот что, Болемир, ты храбр, велик, много хороших дел сделал и еще много их сделаешь, но все ж ты человек, как я, как и другой. А человеку по-человечьи и жить подобает. Люба тебе Юрица, князь, аль нет?

И радостно и неловко сделалось Болемиру от такого простого вопроса старика. Стыдно ему было, ему, первейшему венедскому князю, стыдно было сознаться, что русоволосая Юрица

люба ему, и крепко-таки любя. Но вместе с тем ему сделалось невыразимо хорошо. Он понял старика, и ему очень хотелось расцеловать его седины. Старик между тем по-прежнему сидел перед ним, недвижимый, спокойный.

– Что ж ты молчишь? – спросил он, не получив от Болемира ответа. – Аль не любя? Коль не любя – дальше и говорить не стану. Ты не дите, князь, о чем говорю – разумеешь?

– Как не разумею, батя! Разумею! – тихо проговорил Болемир.

– А коль понимаешь, то и отвечай толком. Не мудреного ответа требую. Речь идет о девке, а девка не гот: поперек горла не станет.

– Люба, князь...

– Вишь какой! Люба! А молчал! Чего ж ты молчал? Эх, князь, князь! Умен, храбр, готов в крови вражьей купаться, а зашла речь о девке любой – и оробел!

– Я ей люб ли, Юрице-то?..

– Ну вот! Заговорил о чем! «Я ей люб ли!» Вестимо, люб. Нешто можно не поважать такого храброго князя, как ты! Тебя всякая девка поважать будет – поважай только ты ее. А Юрица, князь, по тебе. И родом знатна, и собой пригожа – чего тебе больше!

– Спасибо тебе, князь, что вспомнил обо мне.

– О ком же нам, старикам, и помнить, как не о вас, молодых!

Встав, Будли продолжал:

– Ну, теперь как знаешь, так и делай, Болемир. Хоть сегодня же приготавливай свадебные подарки. Утром завтра попируем на твоей свадьбе, вечером у жертвенного костра, а по ночи, на заре, ты попируешь один, со своей княгиней молодой, Юрицей, в клети.

Обрадованный Болемир не знал, что и ответить старику на такие слова. А старик, потрепав его по плечу, проговорил на прощанье:

– Поди, рад? Хе, хе! Знаю, сам был такой же...

Уходя от Болемира, Будли прибавил серьезно:

– Ну а все же, как знаешь, так и делай, мое дело – было бы сказано. Поважаешь Юрицу – ладно, нет – твоя воля.

Болемир поважал Юрицу, и крепко-таки поважал.

Расставшись с Будли, Болемир быстро вышел из хижины и начал отыскивать Юрицу, чтобы поделиться с ней своей радостью и высказать все, что давно уже накопилось в его душе.

Но Юрица ушла куда-то.

Поискав ее возле жилья, Болемир, уже не думая встретить ее, сам не зная для чего, побрел прямо в лес.

В лесу царил весеннее утро, самое сияющее, самое цветущее. Все в нем улыбалось, все ликовало. Дубы и клены, березы и ясени, убравшись в свежую, нежную зелень, походили на молодых пригожих невест, ожидающих поцелуя своего милого жениха. Так же, как и невесты, они робко наклонялись, робко перешептывались со своими стыдливими соседками и потом снова поднимали свои красивые, прихотливо разубранные природой головы, чтобы с вышины насладиться синевой безоблачного неба и яркостью внешнего солнца, которое, переливаясь на них тысячами изумрудных капель, не хотело, казалось, покидать их...

Не покидал чащи лесной и Болемир.

В тот день что-то рано поднялась Юрица со своей девичьей постели...

Не спалось ей почему-то в прошлую ночь: и душно-то было, и как будто ей прямо в ухо шептал кто-то о чем-то и будто говорили где-то. А вверху, в воздухе, казалось ей, звенели чьи-то, неведомые ей, голоса, и так хорошо, и так тихо звенели, что она, сев в одной сорочке на постели и вперив в глубину широко открытые глаза, долго с наслаждением слушала и ловила их. А чуть только занялась заря, она уже незаметно скользнула из хижины и, сама не зная куда идти, побежала к лесу.

Лес сразу охватил ее своей чарующей прохладой. Трава еще не обсохла, и с листьев падала светлая холодная роса. Раздвигая кусты и подвигаясь куда-то вперед, Юрица и не замечала, как роса обдавала ее своими жемчужными, блещущими каплями. Ей почему-то хотелось идти все вперед и вперед, и она шла, всей грудью вдыхая пахучий лесной воздух. Зачем и куда шла Юрица – она сама не знала, не ведала, только ей хотелось идти и идти, идти куда-нибудь подальше, где тихо и где никто не ходит... Странная дума томила ее: то вдруг ей хотелось смеяться, то вдруг плакать, то вдруг обнять дедушку и его, обоих вместе. А за что же его-то? За что? – мелькало в ее головке, ведь он чужой. И образ этого чужого, молодой, пригожий, моментально являлся перед ней и ласково, из-под бровей глядя на нее, как будто шептал ей какие-то непонятные для нее слова. И чудилось, что слова эти так в душу и просились, так и вливались туда легковзвучной волной, и смеялись-то, и радовались-то чему-то, и как будто оттуда, из-за души, нескромно заглядывали в ее девичьи очи. Идучи, она не раз даже оглядывалась: ей казалось, что он-то именно и идет следом за ней и так нескромно заглядывает ей в очи. Оглянется, постоит, поправит скатывающиеся на глаза волосы, прислушается – и нет никого кругом, все лес, один лес, и так тихо кругом, что слышно даже, как звенит где-то пчела, шмель гудит, а где-то далеко-далеко иволга свищет и дятел дупло долбит...

– Вишь, злой какой! – проговорит Юрица и идет дальше.

А чем дальше, тем лес гуще и непрогляднее. Вот уж и кустов нет, только и мелькают перед глазами одни стволы дубовые, толстые, кряковистые. А внизу – мох, зеленый-презеленый, так и хочется прилечь на него и поваляться на свободе. А солнце все больше и больше заглядывает в лес. Сначала все кругом было сумрачно, серовато, а теперь вон уже краешек белобокой березы так и блещет на солнце, а верхушка вон того кудреватого клена точно надвинула на себя ярко-золотистую шапку...

«Как тут хорошо!» – подумала Юрица и, сама не зная почему, остановилась и поглядела вверх.

– Ух, высоко-то как! – невольно воскликнула она. – Я тут ни разу не бывала. Ау! – вдруг крикнула она звонко и сама испугалась своего голоса, так он был громок и так он оглушил ее.

– Ау! – ответило ей эхо по направлению к поляне, где находилось жилье.

Юрице понравился этот глухой, не человеческий ответ, и она еще несколько раз крикнула «ау». Эхо столько же раз ответило ей своим «ау».

После этого Юрице показалось, что в лесу сделалось еще глуше.

Шла-шла Юрица и снова остановилась.

– Ах, я шалунья! Куда ж я иду? – упрекнула и спросила она самое себя.

В это время, как раз над ее головой, сначала крякнула, а потом закуковала кукушка.

Юрица вздрогнула.

– Вещунья! Зачем ты испугала меня? – крикнула Юрица, подняв голову по направлению, откуда послышалось «ку-ку».

Но уж кукушка перенеслась на другое дерево, дальше. Крикнула один раз и смолкла.

– Вот хорошо, спрошу у вещуньи, сколько мне лет на свете жить.

И Юрица, приложив обе руки ко рту, громко спросила:

– Кукушка! Кукушка! Сколько мне лет на свете жить?

Кукушка перелетела еще дальше, прокуковала один раз, да так жалобно, так тихо, и смолкла.

– Одно лето! Ах ты, вещунья! Ты неправду сказала! Я еще много, много лет проживу! Вот увидишь.

Хотя Юрица и проговорила так, однако ей от кукушкиной вести стало не легче. Сначала она вовсе не боялась лесной чащи, а тут вдруг ей сделалось в лесу жутко. Почудилось даже, будто ходит кто-то, стонет, охает, а из-за кустов очи чьи-то глядят. И Юрица, не оглядываясь, пустилась бежать, думая про себя:

«Ах, проклятая птица! Ах, проклятая! Одно лето!»

– Юрица! – вдруг остановил ее чей-то голос, когда она готова уже была выбежать на поляну, где было жилье.

Юрица оглянулась и остановилась.

Перед ней стоял Болемир.

– Куда ты бежишь, Юрица? – продолжал он, любовно глядя на нее. – Не от меня ли?

В голове девушки все помутилось. Она забыла лес, забыла кукушку-вещунью, все забыла. Она видела перед собой одного только князя. А князь подошел к ней и тихо взял ее за руку. Рука Юрицы дрогнула в руке Болемира.

– Юрица, пойдем туда, дальше в лес, – говорил князь.

Юрица не отвечала, глядела в землю и пошла рядом с Болемиром, который не выпускал руки ее.

– Я искал тебя, – говорил Болемир, идучи рядом с Юрицей. – Где ты была?

– Я была в бору, – решила ответить девушка.

– И теперь пойдем в бор, в бору хорошо. Пойдем? – заглянул он в ее лицо.

Юрица вспыхнула, однако, помолчав, чуть слышно проговорила:

– Пойдем, князь, коли ты велишь...

Глава VI. Пир и клятва у костра

Князь и Юрица долго оставались в бору... Только к вечеру воротились они домой... Князь был безмерно весел, Юрица задумчива, не говорила, все больше глядела в землю и пряталась... Будли между тем приказал приготовить свадебные подарки для невесты, приготовить медов и хлебов для пира и очистить для молодых лучшую клеть.

У венедов существовал обычай, что не жена несла мужу подарки, а, наоборот, муж нес их жене.

Подарки мужнины жене заключались в следующем:

Муж дарил жене вола, снаряженного коня, щит, секиру и меч.

Все это дарилось для того, чтобы жена не считала себя чуждой мужества и не была безучастной к войне. Подарки эти предупреждали ее, что она становится подругой, соразделяющей труды и опасности, счастье и несчастье как во время мира, так и во время войны. Это значение имели для нее и заярмованные волы, и оседланный конь, и оружие как при жизни, так и по смерти. Принимая эти дары, она должна была передать их ненарушимо и достойно детям, от которых примут невестки и, в свою очередь, передадут внукам.

Молодая, если хотела, только и дарила мужа каким-нибудь оружием.

В этом заключался союз супругов, священный обряд и воля богов, покровителей супружества.

В этот же день от Будли оповещено было по всем венедским весям Немана, что назначен свадебный пир в жилье старого князя и что виновники этого пира – Юрица и Болемир. Оповещено было также и о том, что настал день, когда венеды должны дать у жертвенного костра обет: жить и умереть за свою родину, которая гибнет от рук пришельцев-готов.

Весь вечер и вся ночь прошли в приготовлениях к свадебному пиру и к жертвоприношению по случаю обета. Уже с вечера венеды начали собираться в хижину Будли. Все поздравляли и старого князя, и Болемира, и Юрицу. Юрица все это время была покрыта густым белым покрывалом и пряла пряжу. На приветствия и поздравления, как невесты, она должна была отвечать низкими поклонами, молча, медленно. Поклонившись, она снова садилась за пряжу. Болемир во все это время должен был запрячь в ярмо вола, снарядить коня и вычистить оружие, которое предназначалось для княгини. Совершалось это медленно, спокойно. Вол должен

был быть цвета черного с белыми пятнами – эмблема зла и добра, которые живут среди человечества. Конь – вороной.

Сбруя, по возможности, делалась пышная, яркая.

Молодые в ночь перед свадьбой не должны были спать. Это делалось для того, чтобы первая ночь молодых вместе была крепка и спокойна. Неспоккойная ночь считалась нехорошим признаком. А чтобы развлекать молодых, к жениху являлись молодые витязи, к невесте – молодые девушки. Витязи обязаны были развлекать молодого воинскими рассказами, а девушки невесту – песнями. Так и было: к Болемиру пришло несколько молодых венедов, к Юрице – девушек.

До самого утра они развлекали молодых. До самого утра слышны были рассказы о героических подвигах витязей и девичьи песни о том, как будет хорошо молодой княжне за своим молодым князем, как они долго будут жить, радоваться, разрабатывать вместе землю и ходить вместе на войну, как пойдут потом у них дети – сынки-богатыри, дочки-красавицы, что ни сын, то солнце красное, что ни дочь, то звездочка ясная...

Ах, княжна, пригожая, ясная,
Поважай меня, молодца доброго, –

пели девушки молчаливой Юрице.

«Добрый, ласковый мой князь, поважай меня, княжну-девицу сиротливую: нету у меня ни отца, ни матери, есть только род да племя!» – рассказывали Болемиру витязи удалые...

Слушал Болемир витязей, слушала Юрица девушек, и так слушали до ясного утра.

А только что настало утро – у Будли уже не было и места для гостей: так их много собралось.

Попить, поиграть венеды были не прочь, да, кроме того, и дело важное решалось. Обет на защиту родины считался одним из священнейших обетов. На обетах обязан был присутствовать всякий, кто только чувствовал силу ходить, не исключая даже и женщин, девиц, детей, стариков. Поэтому все, кто мог, считали своей обязанностью присутствовать на обетах. Как одно из необходимых лиц явился и жрец.

И вот – только что рассвело – вся поляна, на которой находилось жилье Будли, покрылась дубовыми столами, скамейками, короткими и длинными, обрубками широких стволов дуба и ясеней, служивших вместо столов. Все это задернулось скатертями, столешниками, всем, что только нашлось у Будли холстинного или парчового.

Не богат был старый князь Будли, да и не такое время шло, чтобы думать о богатстве да роскоши, да и какая роскошь могла быть в лесу, среди природы, среди зверей, где все скрывалось, все пряталось! На что она? Можно прожить и без роскошества, особенно когда родина стонет под игом иноплеменника. И Будли не роскошничал, несмотря на то что по одному его слову к нему были бы нанесены верными венедками целые груды всякого рода домашнего скарба. В свое время, однако, в молодости, когда князь был в силе и не скрывался, как зверь лесной в тущобе, у него было немало всякого добра. Готы ограбили его. Но все же у него кое-что еще осталось, спасенное и припрятанное верными слугами.

И все это оставшееся старый князь приказал вынести и выкатить. И все было вынесено и выкачено.

У князя оказалось немало старых медов, немало старых браг и квасов. А до этих напитков венеды были немалые охотники.

И начался у Будли пир горой.

Пиршество открыл сам Будли.

Когда все уселись за столы, Будли, во все время не появлявшийся среди гостей, тихо и торжественно вышел из избы, ведя правой рукой жениха, левой – невесту.

Юрица была одета в длинную белую рубаху, которая почти что волочилась по земле, без рукавов, почему руки ее до самых плеч были голы. Рубаха по стану была перехвачена широчайшим поясом из греческой парчи. Волосы на голове были собраны в клубок, который обхватывался куском тонкой и узкой холстины зеленого цвета. В ушах висели необыкновенной величины янтарные серьги, грубо отделанные в золото. На голых ногах – подобие сандалий, привязанных к пятке и икрам, до колен, двумя крестообразно вившимися ремнями. Лицо ее было покрыто легкой холстиной.

Болемир был одет в шерстяной кафтан из белой шерсти, изузоренный по краям красной тесьмой, с золотой запоной у шеи. Рукава у кафтана были необыкновенно широки. На голове, несмотря на внешнее прекрасное теплое утро, надвинута была высокая облоухая рысья шапка. Кафтан по стану был перехвачен куском серебристой, с зеленью, греческой материи. На ногах грубое подобие сапог из выделанной кожи.

Старый князь Будли был просто в белой рубахе.

Когда он вышел, двое венедов разложили на земле медвежью шкуру, шерстью вверх. Будли вошел на эту шкуру в сопровождении Болемира и Юрицы и остановился.

Гости молчали. Речь была за старым князем, и князь тихо заговорил:

– Братья-венеды, простите меня, старика! И не след бы в такую тяжелую пору задумывать свадьбу, а я вот, старый слепой ворон, задумал. Простите меня, старика!

Будли поклонился гостям. Поклонились гостям и Болемир с Юрицей.

Старейший из гостей ответил:

– Ах, князь, князь! Слово твое – великое слово, и не нам, людишкам мелким, судить о делах твоих. Твое дело – повелеть, наше дело – сделать.

– Твое дело – повелеть, наше дело – сделать! – проговорили в один голос все гости и отвесили поклон Будли и молодым.

– А коли так, – сказал Будли, – то и добро вам! Добро и вам, и мне, и славной нашей родине!

– Добро! Добро! – загудели гости и снова отвесили и Будли и молодым низкий поклон.

После этого Будли, с Болемиром и Юрицей, сошел с медвежьей шкуры и подошел к столу.

На столе стоял целый зажаренный кабан. Он отрезал от него часть, подал Болемиру и сам съел. Это делалось для того, чтобы жених был хороший охотник и не боялся диких зверей. Потом Будли подошел к целому зажаренному ягненку, отрезал часть его, подал его Юрице и сам съел. Это делалось для того, чтобы молодая была хорошей домоводкой.

Во все это время стоявшие гости хранили глубокое молчание.

Далее Будли налил большую чару меда и подал Болемиру. Болемир хлебнул меда и передал его Юрице. Юрица смочила губы и передала дедушке. Сам Будли тоже откусал. Это делалось для того, чтобы жизнь молодых была сладка и хмельна, как мед.

Окончив этот обычный обряд, Будли обратился к гостям:

– Ну, гости мои дорогие, пейте и гуляйте, как хотите, теперь ваша воля, а не моя.

Гости зашумели:

– Спасибо, князь, спасибо!

Юрица и Болемир посадили старого князя за стол и сами сели напротив него.

Когда все уселись, один из старейших гостей начал наливать в чары из ведер мед и подавал его гостям. Гости пили и закусывали. В это время из клетки, которая предназначена была для молодых, вышла толпа девушек, а двое дюжих венедов вывели заярмованного вола, оседланную лошадь, вынесли оружие. Тогда старейший из венедов встал и, глядя на подарки, заговорил:

– Вижу, вижу, подарки добрые! Молодой хорошо заживется.

Молодая встала.

Старейший продолжал:

– Вижу, вижу, подарки добрые! Молодому хорошо заживется.
Молодой встал.

– А что же мы княжны-то не видим? – спрашивал тот же старейшина. – Покажи нам ее, князь.

Болемир снял с головы Юрицы покрывало.

Юрица стояла с опущенными ресницами и рделась, как заря.

Гости ахнули:

– Ах, какая пригожая, складная!

Вышедшие из клетки девушки между тем начали петь песни. Молодые поцеловались и сели. Тут из-за толпы девушек вышла домоводка княжеская, старушка, и начала вместо матери причитать:

– Ах, я горькая! Ах, я несчастливая! – плакала старуха и обратилась к невесте:

– Милая доченька моя! Каково тебе? Поведай мне по правде, не скрываючись. Каково тебе? Поведай мне, милая моя!

Юрица встала и, кланяясь всем гостям, тихо заговорила:

– Хорошо мне, гости дорогие! Ах, как хорошо! Как не хорошо было, не сидела бы я с князем за столом одним, не глядела бы я на него, на мое солнце красное, не поважала бы я его, красавца моего!

Среди гостей слышались голоса:

– Ладно! Ладно! Ай да невестушка-пригожница! Не солгала перед нами, перед стариками, о своей зазнобушке сердечной!

Юрица села. Ее речью окончился обычный обряд, необходимый при бракосочетании.

Замечательно, что при бракосочетаниях у венедов жрец не принимал никакого участия. Он оставался в стороне. Для него отвели особую клеть, где он и угощался один, как хотел. Вообще, несмотря на то что жрец считался везде одним из почетнейших и важнейших лиц, его все-таки чуждались. Да и сам он, по исключительности своего положения, не искал общества с другими.

К полудню головы гостей немного охмелели. Поднялись оживленные речи, закипели неизбежные споры, и даже началась игра в кости.

Игра в кости у всех вообще славянских племен прежнего времени считалась одной из занимательнейших, и они ею, преимущественно на пирах, всегда увлекались, и увлечение это доходило до того, что, проиграв все, нередко пускались на ставку свобода и даже сама личность. Побежденный в таком случае беспрекословно подчинялся рабству, давал себя связывать и продавать. Этот поступок считался честным. Выигранных невольников в большинстве случаев, не пользуясь ими лично, продавали, чтоб избавиться от стыда подобного выигрыша. Игра в кости не всегда оканчивалась перебранкой, а чаще всего убийством и ранами.

Закон за такое убийство не преследовал преступника, имел право преследовать родственник убитого.

Даже в позднейших законах славянских законодателей, например в Русской Правде Ярослава, за убийство на пиру ответственность уменьшалась наполовину.

На свадебном пиру у старого князя, хотя венеды и играли в кости, и довольно шумно играли, однако никто не хватался за оружие, чтобы наказать противника. Все обходились друг с другом и сановито, и хорошо. У всех было одно в голове: предстоящее переселение. О чем бы венеды ни говорили, о чем бы ни спорили, всегда речь сводилась на занимающий их вопрос переселения.

Только Юрица и Болемир оставались на пиру безмолвными слушателями и зрителями всего того, что вокруг них происходило, несмотря на то что во всех спорах, во всех советах имя Болемира не сходило ни у кого с языка. Таков был обычай страны, таково было требование бракосочетания. Впрочем, Юрица и Болемир были настолько счастливы и довольны друг

другом, что условное молчание нисколько их не стесняло, а, наоборот, внутренним чувствам их давался полный простор, и каждый из них мог наслаждаться наступившим наконец для него счастьем, как ему было угодно. Изредка, однако, Болемир и Юрица переговаривались между собой, – на это они имели право, – но коротки были речи их. Они больше говорили душевным языком, как вообще говорят все счастливые и довольные.

Старый князь тоже был не особенно разговорчив. Венедские старики вели себя на пирах вообще важно и спокойно. Шумела и бурлила большей частью молодежь, которой в этом случае давался полный простор. Но зато в делах, которые требовали совета и обсуждения, старики занимали первое и почетное место. Их слово было законом. А общественный закон даже не судил старика за преступление. Старик только лишался уважения от молодежи, и это было ему тяжелее всяких наказаний. Когда стариков встречали вне дома, им давали дорогу и кланялись им, как кто хотел, смотря по степени, которую занимал почитаемый старик. Если случалось какое-либо недоразумение: ссора, драка, и встречали старика – все сейчас же с охотой отдавались на его суд, суду его верили и тотчас же исполняли то, что он советовал. Редко случалось, что старики злоупотребляли тем доверием, которым они пользовались. А если случалось, то старик прятался от людей или оканчивал постыдную жизнь свою тайным самоубийством. Искупительным самоубийством в этом случае считалось самоубийство – зарезаться жертвенным ножом, которым жрец, принося на алтарь своего бога жертву, поражал вола, ягненка, гуся.

Так как к вечеру положено было отправиться на место казни венедских князей и принести там обет на защиту племени венедского, то, едва начало смеркаться, все стали вставать из-за пиршественных столов и напоминать друг другу о великом обете.

– Брате, – слышались голоса, – не пей больше меда, будет, сейчас пойдем на поляну – обет дадим.

– Дадим, дадим, брате!

Встал и старый князь Будли, встал и заговорил, обращаясь ко всем. А все тоже встали и тоже, в свою очередь, обратились к старику, ожидая от него мудрой речи.

Будли заговорил:

– Братья, вдоволь ли вами попито, вдоволь ли вами поедено?

– Вдоволь, князь! Вдоволь! – отвечало ему множество хмельных, но бодрых голосов.

– А коль так, а коль вы по правде говорите, то и я вам скажу правдивое слово.

– Слушаем, князь, твоего слова!

– Мое слово коротко. Положили мы, братья, принести нынче обет на защиту племени венедского, так не пора ли нам исполнить его?

– Пора, пора, князь!

С этими словами толпа гостей окончательно повылезала из-за столов, повылезала то бодро, то немного, а то и очень много пошатываясь; а некоторые и совсем не вылезали, потому что как сидели, так и заснули, чересчур уж напивавшись крепкими медами и разными ячменными напитками. Хмель, однако, нисколько не помешал гостям старого князя Будли, поблагодарив его за хлеб, за соль, а молодым пожелав искренне всякого рода счастья и благополучия, тотчас же отправиться гурьбой на условленную поляну.

Жертвенные бараны и другие принадлежности жертвоприношения были отправлены туда еще заранее; вместе с ними отправился и жрец.

Мало-помалу жилье старого князя опустело: все ушли на поляну, и старый, и малый. Осталась в жилье одна только старуха, домоводка княжеская, которая долго еще причитала о сиротской доле княжны-красавицы, Юрицы...

Даже пиршественные столы остались под деревьями необрушенными, так все торопились на новый пир...

Там же, где не так давно мстительные готы распинали венедских князей, на том же самом берегу Немана венеды воздвигали и свой жертвенный костер.

Костер уже пылал вокруг жертвенного камня, когда к нему с ножом в руках приблизился жрец. Все собравшиеся на поляне венеды, мужчины и женщины, стояли вокруг костра с зажженными смоляными палками в руках. Впереди всех стояли Болемир, Радогост, Олимер и Будли. Радогост и Олимер были дюжие, крепкие парни, но очень еще молодые и, по-видимому, мало подавали надежд быть защитниками своей родины и править таким делом, как переселение народа с одного места на другое. Но у венедов не было под руками других испытанных князей, и молодые князья, как бы по необходимости, были избраны в предводители. Вся надежда переселенцев возлагалась на Болемира, которого с берегов Вислы до берегов Немана все знали как храбрейшего и знаменитейшего князя. И в самом деле, на Болемира можно было надеяться: несмотря на вынесенную им пытку, он, высокий, статный и плечистый, выглядел таким молодцом, что любо было смотреть. Находившаяся вместе с другими у костра Юрица замирала от удовольствия при взгляде на своего пригожего мужа и с нетерпением ждала окончания жертвоприношения.

А жертвоприношение только что еще началось.

Приблизившись к жертвенному камню, который состоял из четырехугольного куска серого гранита, с символическими знаками, жрец взмахнул над ним ножом и громко сказал:

– Жертвенный огонь – дань бытию! Вся толпа повторила за жрецом:

– Дань бытию! Дань бытию!

Жрец после этого засучил рукава своей одежды, а перед ним положили связанного ягненка и барана, он должен был их зарезать. Двумя взмахами ножа зарезав сначала ягненка, потом барана, он, не снимая с них шкуры, с кровью, капавшей на его одежду и на землю, кинул их на жертвенный камень. Огонь быстро охватил кинутые жертвы, а жрец, став на колено и склонив голову, стал шептать одному ему известные тайные религиозные молитвы. В это время каждый из присутствующих старался смочить кровью жертв край своей одежды. Жрец молился до тех пор, пока жертвенные животные не обуглились на камне. Тогда он встал, снял вилами жертву и начал резать ее на части.

Болемир, Радогост и Олимер подошли к жрецу.

Первый кусок он подал Болемиру, второй – Радогосту, третий – Олимеру. Все трое начали есть обуглившееся, почти еще сырое мясо ягненка и барана. Это значило, что они посредством пищи, освятившейся на жертвенном костре, соединяются с обителью божеств, делаются высшими между людей, посвящаются в верховную власть и делаются предводителями сил.

Когда посвященные съели свои доли, жрец поочередно подвел их к самому костру, склонил перед костром их головы и накрыл их грубой холстиной. Все присутствующие стали на колено. А жрец, вынув из своей одежды восьмиугольный кусок лубка, на котором был вырезан обрядовый закон, начал читать:

«Принявший посвящение по обряду, да заботится охранять справедливостью все подвластное ему».

«Мир без владык был отовсюду потрясаям ужасом, и потому были созданы цари».

«Приняв вечные частицы восьми божественных сил мира и заключая в себе их, они превосходят по освящению всех смертных».

«Они по могуществу есть огонь, воздух, свет солнца, блеск луны, дух правды, богатства, божество вод и властители земл и».

«Никто да не осмелится сказать: «царь также человек», ибо он есть высочайшее божество в образе человека».

После этого Болемир, Радогост и Олимер сами сняли с голов своих покрывала, а присутствующие поднялись с колен, поочередно подходили к жертве, отрезали себе жертвенным ножом маленькую частицу жертв и ели. Когда от жертв остались одни только кости и внутренности, их бросили в огонь, а каждый из присутствующих подходил к посвященным и, прого-

ворив: «амарата»², целовал край их одежды. Первым подошел Будли, последней – Юрица. В то время как она целовала край одежды своего мужа, склонясь потом до самой земли, Болемир слегка коснулся своей ногой ее шеи. Это означало то, что она одна из первых должна склонить свою шею перед своим верховным повелителем.

Этим обряд посвящения и оканчивался. Далее начинались игры и пляска вокруг костра.

Игры свои венеды начали с плясок около костра: участвовали все, кто только мог участвовать. Сначала всякий, мужчина и женщина, плясал отдельно, и плясал необыкновенно тихо. Сперва пляшущие покачивали свои корпуса вправо и влево, а потом отбивали ногами известные колена и обороты. Неучаст вовавшие в пляске должны были как можно более разложить костров и зажечь смоляных палок, чтобы пляшущим было светло. Поплясав отдельно, все мало-помалу соединялись, хватая друг друга за руки, и тогда происходила уже общая пляска.

Пляска производилась под звуки нескольких гуслей, которые в этом случае бренчали без умолку, сопровождаемые возгласами гусяров:

– Лола! Лола! Лола!

Костры горели все ярче и ярче, а пляшущие, освещаемые ими, все более и более оживлялись, так что потом вся пиршественная поляна покрылась несмолкаемым гулом веселья. Голоса смешивались с голосами, звуки гуслей с другими подобными же звуками, и далеко по окрестности разносился этот гам славянского неудержимого веселья.

В числе пляшущих находилась и Юрица. Разгоряченная быстрыми движениями, веселая, зардевшаяся, она приблизилась к Болемиру, который, по праву высшего, не участвовал в пляске, а только любовался ею.

Приблизившись к нему, Юрица остановилась, как бы желая что-то сказать. Счастливый супруг привлек ее к себе и покрыл ее лицо поцелуями.

– Милый, ладный! – страстно шептала Юрица, крепко прижимаясь к нему. – Неужто ты поважаешь меня, такую непригожую!

Болемир молчал и сильно сжимал ее по стану своей богатырской рукой.

Затем Болемир и Юрица ушли. Но пир продолжался до утра.

Утром некоторые, утомленные, обессиленные, заснули, где сидели, а те, которые были пободрее, начали разбредаться по домам.

Возвратясь в свое жилье, старый князь Будли прежде всего подошел к клетки, предназначенной для молодых.

– Тут ли? – постучал он в запертую изнутри дверь.

Некоторое время ответа не было.

Будли повторил свой вопрос:

– Тут ли?

Послышался легкий шорох, потом голосок Юрицы, тихий, добрый, счастливый...

– Тут, дедушка...

– А молодой князь тут?

Ответа не последовало...

² То есть принявший бессмертие.

Часть вторая. Переселение народов

Глава I. Первые поселения

Все лето и всю зиму 375 года венеды приготавливались к выселению.

К весне же 376 года все, кто только хотел куда-либо выселяться, были уже готовы.

Поднявшиеся венеды разделились на три орды.

Одной из них, которая избрала новым своим местопребыванием крайний север, управлял князь Олимер.

Другой, которая предположила направить путь свой к западу, за Эльбу, – князь Радогост.

Третья, и самая главная, которая должна была двинуться к Черноморскому побережью, находилась под управлением князя Болемира.

Все эти три орды составили не менее восьмисот тысяч семей.

Наконец настал момент, и все эти три орды выселенцев, как тучи, двинулись с берегов Немана и Балтийского побережья на новые места: север, запад и юг...

Двинулись – и все перед ними расступилось, все удивилось им, как новому чуду, все боязливо отступило и дрогнуло, чуя нечто грозное и величественное. Странная молва пробежала среди народов запада и надолго застыла в них, чтобы и будущим поколениям своим завещать и свой страх, и свое удивление перед впервые очнувшейся силой славянской...

Венеды-переселенцы, двинувшиеся на север под предводительством Олимера, состояли большей частью из позёров-рыболовов³. Теснимые поработителями на своей родине, в Велае, Королевце, Браниборе, Ангенбирге, Судавии, изобиловавших рыбными озерами и реками, позёры-переселенцы Олимера решились лучше искать нового богатства в снегах севера, чем отдавать уже нажитое богатство родины неведомому пришельцу.

Поселившись у берегов северного океана и северных рек, они надеялись на добычливый рыбный и звериный лов.

Сборным пунктом для северных переселенцев была назначена Велава.

В условленное время весны 376 года Велава, небольшой городок при слиянии двух небольших рек, впадающих в Венедийское море⁴, начала наполняться переселенцами, с их женами, детьми и имуществом.

В звериных шкурах, в облоухих рысых шапках переселенцы приводили в порядок свое имущество, которое с места его родины, города ли, веси ли, было забрано как попало, потому что всякий торопился поспеть к назначенному времени с целью предупредить готов, которые хотели разбить их отдельными партиями. Тихий и мирный городок наполнился вдруг тысячами звуков и голосов, которые придавали ему какую-то шумную, неестественную жизнь.

К назначенному времени приехал и предводитель их, молодой князь Олимер. Объехав переселенцев, он переспросил у всех, действительно ли они желают переселиться, действительно ли они решились перенести те, может быть, очень тяжелые невзгоды, которые им придется вытерпеть в неведомой стране. Ответ получился утвердительный: неведомая страна всякого манила к себе, не боялись ее даже жены и дети переселенцев.

И вот, в один день, рано на заре, принеся предварительную жертву языческим богам своим, с необычайным шумом, гамом, скрипом, лаем псов, мычанием коров и волов венеды двинулись из Велавы по направлению к северу.

³ В Новгородской губернии и по настоящее время прибрежные жители озера Ильменя носят название «позёров».

⁴ Балтийское.

Путь их лежал через поселения куронов, а далее квенон, к северному побережью Ботнического залива, между Финским заливом и Ладожским озером, а там, далее, что их ждет, что они найдут – они не знали, да и не хотели знать. Им только хотелось идти куда-нибудь, двигаться, чего-нибудь искать, разумеется, лучшего, а не худшего. Это было какое-то странное и чудное движение, которое могло явиться только у народа или стоящего на низшей ступени общежитности, или бесконечно теснимого другой народностью, против которой он не в состоянии был стать с вооруженной рукой.

С венедями, как известно, случилось последнее.

Переселенцев этих готы не останавливали; они считали переселение вовсе не значительным и не опасным для себя. Действительно, это была самая меньшая часть поднявшихся для переселения венедов. Кроме того, они двинулись по направлению, которое не составляло областей готов или подвластных им народов, а стало быть, и не грозило возмущением, которое бы переселенцы могли произвести в их областях.

И переселенцы, не встречавшие препятствий, медленно, но упорно двигались все далее и далее на север... Вот и страна куронов, лесистая, болотистая... Вот и страна квенон – гористая, изуродованная озерами... А вот и самый север...

Но что на севере случилось с этими смелыми переселенцами – неизвестно, история молчит...

Может быть, перетерпев лишения, нужду, холод, голод, они поселились у берегов северных рек, озер, построили нехитрые, но теплые землянки, стали ловить рыбу, бить зверей, меняться ими с соседними народами и были родоначальниками лапландцев и других северных поселенцев...

Орда Радогоста состояла совсем из другого рода переселенцев. Переселенцы его были по преимуществу люди, которым нечего было жалеть на родине: изгои, отпущенные рабы, челядь, люди гулевые, головы бесшабашные, и те, кому хотелось людей посмотреть, себя показать, в чужой земле счастья поискать.

Собравшись в чудовищную толпу, вооруженные, смелые, они сразу заполонили пространство между Вислой и Саввой, начали буйный грабеж, не щадя ни чужих, ни своих, и произвели страшный переполох между западными народами. Все народы, обитавшие на пространстве Эльбы и Роны – кошубы, варны, вагры, фрязи, ховоляне, древане, длуманы, тунгри, немечи, херуски и множество других, – пришли в ужасное смятение. Набег венедов-славян был так велик, так неожидан, быстр, неотразим, что вдруг пронеслась среди народов грозная весть о появлении какого-то безвестного, дикого племени, которое не знает своему зверству предела, и все бежало, робело, искало спасения, молилось.

А бесшабашный Радогост со своими летучими легионами появлялся везде, где только чуялась хорошая добыча, и все жег, рушил, стирал с лица земли, грабил и шел дальше, чтобы произвести подобное же опустошение. Никакая сила не могла остановить его смертоносного движения. Как орел, он появлялся везде, как орел, он исчезал отовсюду. Народы затрепетали, народы почуяли нечто чудовищное, какую-то великую кару небес.

Между тем с берегов Немана на берега Понтийского моря двинул своих переселенцев и Болемир. В то время как орда Радогоста, появляясь то там, то здесь, производила везде переполох и замешательство, переселенцы Болемира двигались тихо, стройно, сознательно. Несмотря на это, Болемир со своими переселенцами на все народы, обитавшие по берегам Вислы, Буга и Днестра, произвел еще большее замешательство. Никто и никогда не видывал и не слыхивал о такой страшной силе. Заслышав о движении куда-то неведомого народа, еще не видя его, большинство населения, где предполагался путь, по которому пройдет новый народ, ринулось за Дунай, в Мизию, где, в свою очередь, произвело замешательство.

А Болемир все двигался вперед, двигался так же спокойно, так же сознательно, как и с самых берегов родного Немана, устраивая по трудному пути мосты через реки, гати и плотины

через болота и трясины, вырубая дремучие, непроходимые леса, которыми была покрыта вся нынешняя Гродненская и Минская губернии.

Готский король Эрманарик, услышав о движении венедов, хотел своими силами удержать это движение. Он собрал огромное войско и расположил его у истоков Буга и Днестра, которые были заселены особенно многочисленными и богатыми селениями готов.

Главные силы он сосредоточил в городе Холме на Буге, где и хотел дать отпор Болемиру.

А Болемир действительно двигался по этому направлению. Он двигался, собственно, к Киеву, но так как по случаю болот и лесов земли народов и сироматов не было другого, более краткого пути, то он и шел, прорезая страну судавов и города Нур, Бельск и Боцки, прямо на Люблин и Холм.

Город Холм, один из лучших готских городов, расположен был на левом берегу Буга, в некотором расстоянии от него. От Холма до Люблина на запад, прорезаемые притоком Вислы, тянулись густые сосновые леса, заселенные по окраинам податными земледельческими племенами, носившими название венных, или венечных. На восток к Лучку и Дубно, изобиловавшими пастбищами и лугами, селились так называемые сироматы, или сарматы, – люди бессемеинного качества. На юг от Холма города: Владимир, Броды, Янов, Буск, Залесье, Кременец, Заслав и Львов, носившие в более позднее время название Червонных Градов или Червонной Руси, – были заселены славянским племенем будинов, или бужан.

Эрманарик, столетилетний старец, сам лично взялся предводительствовать войсками, а для более надежного отражения неприятеля велел устроить вокруг города деревянную стену, а ниже, на юг, между Гиеразом и Дунаем, вдоль границ тайфалов, высокий вал⁵. В Холме с отборными силами остался сам Эрманарик, а опытные и мужественные воеводы его, Алафей, Сафракс и Атанарик, стали выжидать неприятеля вне города, на севере, откуда двигался Болемир.

Болемир, предупрежденный о приготовлениях готского короля Эрманарика, в свою очередь, принял меры для более успешного поражения своих недавних поработителей.

Переселенцев, которые составляли более трехсот тысяч семей, он разделил на три отряда. Первый отряд состоял из воинов, испытанных на войне, и молодых людей, которые имели жен и детей. Отряд этот, сопровождаемый женами с детьми, должен был двигаться впереди. Второй отряд состоял из людей хотя и бодрых, но неспособных к войне; третий – из старцев, сопровождавших имущество, и части настоящего военного сословия, которое служило ему защитой на случай нападения.

Главная сила сосредоточивалась в первом отряде, который должен был двигаться вперед и пролагать путь для двух последних, более слабейших, отрядов. В этом отряде передовую колонну составляли обручники.

Они назывались обручниками потому, что носили на руках и ногах темные металлические обручи. Металлический обруч служил признаком храбрости и того, что носящий их дал обет всегда быть впереди на войнах. Многим из храбрейших нравился такой обычай, и они до глубокой старости носили этот знак, отличавший их и у неприятелей, и у своих. Обручники в мирное время не имели ни домов, ни полей, ни малейшей о чем-нибудь заботы. Куда приходили, там и получали свое продовольствие. Роскошествовали чужим добром, пренебрегали своим собственным, пока бессильная старость не делала их неспособными к такому суровому мужеству. Во всех сражениях обручники первые начинали сражение и, прежде всего, поражали своей наружностью. Для придания же наружности грозного и устрашающего вида они расписывали свое лицо черными и красными красками, для чего на лице делались ножом прорезы,

⁵ Следы этого вала, оконченного Атанариком, которого называют судьей древлян, существуют и по настоящее время под г. Галацом, между Дунаем и Прутом. Вал этот, означенный на карте Бауера, идет от села Долошешти в вершине озера, до Сербанешти, при р. Серети, на протяжении 35 верст, отрезая таким образом угол при впадении р. Прут в Дунай.

брили свои головы, включивали длинные густые бороды и носили большие черные щиты. Редкий неприятель выдерживал напор обручников⁶.

За обручниками шли крикуны. Обязанность крикунов состояла в том, чтобы во время боя производить резкие и сильные звуки, которые считались необходимыми как для воодушевления воинов, так и для запугивания неприятеля. Крикуны старались производить дикие звуки и порывистый гам, подставляя ко рту свои щиты, чтобы отраженный голос раздавался сильнее и громче. В числе крикунов были и гадляры, нечто вроде гусяров, которые перед боем пели витязные песни, вторя своими инструментами, наподобие четырехструнной лиры.

За крикунами шли обыкновенные воины, а за ними их жены с детьми.

Жены у славян в описываемую эпоху, во время войн, играли довольно важное назначение и служили самым сильным возбуждением их храбрости. Воюя, воины слышали за собой говор жен и крик детей, которые были неподкупными свидетелями их храбрости, первые ценители их и восхвалители. К матерям и женам несли они свои раны, и жены и дочери не боялись считать их и высасывать из них разьедающий состав стрел. Они же приносили сражающимся пищу и утешение.

Случалось, что павшие духом и бегущие уже с поля сражения войска были остановлены женщинами, которые, заграждая им путь грудью своей, с настойчивой мольбой говорили им о предстоящем плене, при одном имени которого воины содрогались за жен своих, шли вперед и оставались победителями. Да и вообще женщинам у славян приписывалась какая-то святость и предвидение, а поэтому их советами никогда не пренебрегали. Другие народы, знавшие о таком уважении к женщинам славян, во время договоров с ними, чтобы более обязать их верностью, брали у них заложницами несколько девиц знатного рода.

Во главе первого отряда шел и сам Болемир, а Юрица находилась в числе жен, сопровождавших этот отряд.

Семнадцатилетняя Юрица в это время была уже матерью. Собственными руками она носила трехмесячного крошку-младенца и нигде не хотела расставаться с ним. Всю свою женскую, юную любовь она сосредоточила на этом крошечном невинном существе, на этом первенце, в которого она вложила всю свою расцветающую, не знавшую еще испытаний жизнь. День и ночь она нянчилась с ним, день и ночь она напевала ему свои немудреные, но задушевные песни, которые нашептали ей струи родного Немана и окружавшие его дремучие и хмурые дебри. С какой радостью она кормила его грудью! С каким наслаждением любовалась им, когда он засыпал у ее сердца! Отдавшись вся любовью к младенцу, Юрица не печалилась даже о судьбе своего дедушки Будли, которого она покинула одного на берегах Немана. Только иногда, при взгляде на какого-нибудь старика, она спрашивала самое себя: «А что теперь с дедушкой? Жив ли он?» Но тотчас же забывала дедушку, как только припоминала о другом существе – своем сыне.

Любил своего первенца и Болемир. Как и мать, он тоже много заботился о нем, много любил и в будущем, по обыкновению родителей, возлагал на него тысячи надежд и тысячи ожиданий.

Даже брат Юрицы Аттила, всюду следовавший за Болемиром, и тот нередко заглядывался на крошечного младенца и говорил Юрице:

– Корми, корми, из него хороший воин выйдет.

⁶ Обручи эти, находимые во множестве в могилах на всем пространстве населения славян по Европе, были знаком обета. Они без исключения свивались из трех проволок в виде змей и делались из плохого серебра, похожего на железо, почему их и называли железными. Можно полагать, что в состав, из которого делались обручи, входила некоторая часть золота, большая часть серебра и часть какого-либо темного соединяющего металла.

Аттила, несмотря на свои отроческие годы, уже отлично владел клевцом, топором и отлично скакал на лошади⁷. Болемир, полюбив в нем будущего храбреца, приблизил его к себе, и он повсюду сопровождал Болемира, как юный паж и оруженосец.

Болемира всегда сопровождали еще и двое других молодых князей, родных братьев, Данчул и Рао.

Данчул и Рао были уже совершенно взрослые юноши и принадлежали к одному из славянских княжеских родов, истребленных готами.

Они принадлежали к княжескому роду славянского племени судавов и примкнули к Болемиру со своими приверженцами по пути. Свежие, здоровые, полные юношеского огня, Данчул и Рао, подобно многим, хотели отплатить готам за позор своих родителей...

На тридцать второй день исхода с берегов Немана, не встречая со стороны готов препятствий, Болемир приблизился к Холму-городу.

Войска Алафея, Сафракса и Атанарика стояли станом на правом берегу Буга, по которому двигался Болемир, и чутко выжидали врага.

Болемир, в свою очередь, не дремал: разослал повсюду разведчиков узнать о силе скопившихся в Холме-городе готов, чтобы предупредительно отразить их нападение или, по обычаю своего народа, в глухую ночь нежданно-негаданно напасть на них и смять первым натиском.

Болемиру, однако, с его многочисленными, но нестройными полчищами приходилось иметь дело с очень искусными полководцами и стройными легионами готов. Болемир это сознавал и потому вел свой передовой отряд осторожно. Он, как бы беспечно, вовсе не подозревая того, что готы намерены отразить нападение, велел расположиться отряду на берегах Буга для разгульной стоянки. Он приказал одной части многочисленного отряда разложить костры, петь песни, играть на гусях, плясать вокруг костров и вообще делать вид, что отряд предается разгульному и беспечному пиршеству, тогда как другая часть отряда, с женщинами и детьми, залегла в густых соседних зарослях. Готские разведчики были обмануты этой далеко не мудреной уловкой, дали весть стоявшим невдалеке готским легионам, и готские легионы быстро двинулись на воображаемый пирующий стан переселенцев.

Но только готы приблизились, как с необычайным криком и гамом, с пылающими головнями в руках венеды ринулись на готов и моментально смяли их...

Так произошла первая битва венедов с готами на берегах Буга, положившая основание многим кровавым и страшным битвам, без малого сто лет волновавшим всю западную Европу и прославившим великим переселением народов...

Так незначительно, так просто началась та грозная картина, которая вот уже тысячу пятисот лет удивляет народы своей мрачной грандиозностью и создает целые невероятные сказания, саги, квиды и легенды...

Так поступили те, которые впоследствии получили грозное название гуннов, народа неведомого, зверского, чудовищного...

Смятые готы оправились, однако, от первого натиска венедов, получили подкрепление, устроились и наутро под предводительством трех полководцев начали новый бой, но были окончательно поражены нахлынувшей силой венедов и бежали в Холм.

Узнав о поражении своих полководцев, Эрманарик с лучшими своими силами сам вышел против грозных полчищ.

И у самого Холма-города произошла третья битва, окончательно обессилившая готов.

А Эрманарик, этот грозный властитель готов, этот, по истории, непобедимый король в отчаянии убил сам себя: он на поле битвы пронзил грудь свою собственным мечом.

⁷ В среде тогдашних северных народов было обычным делом, что десятилетние дети умели владеть оружием и скакать на лошади. Нередко случалось, что такие храбрецы участвовали даже в битвах. Все это подтверждается множеством северных сказаний.

После трех неудачных битв часть готских войск через Люблин бежала в Радомысль и Тырнов, а другая заперлась в Холме-городе.

Утомленные битвой, победители расположились на отдых у самых стен Холма-города.

Одержав сряду три блистательных победы, непобедимый Болемир, увы, им не радовался.

Считая убитых, раненых и оставшихся в живых, он не досчитался своей молодой любимой жены Юрицы с младенцем, и куда она девалась – никто не знал. По всему полю битвы, по соседним лесам и зарослям были разосланы посланцы искать ее, но все они, один за одним, возвратились с недобрый ответом: «Нет, князь, княгини твоей, Юрицы».

Омрачился Болемир и понял, что Юрица взята врагами в полон.

Предположение его вскоре оправдалось...

На другой день, с рассветом, на деревянной стене Холма появился гот и громко затрубил в трубу. Это было знаком, что он просит у победителей дозволения говорить.

В стане Болемира, в свою очередь, затрубили в трубу, и из стана воинов выехал верхом на коне молодой князь Рао для переговоров с готом.

– Ты кто? – крикнул Рао, обращаясь к готу.

– Я посланец князя Атанарика! – отвечал громко гот.

– А какого ты рода? – спросил Рао.

Так Рао спросил потому, что князю недобро было бы вести переговоры с челядинцем или простым воином.

– Я родной брат Атанарика, честный воин и честный человек, – отвечал гот.

– Что ж тебе надобно?

– А то: княгиня ваша, Болемирова жена, с малым младенцем в наших руках. Коль отойдете от Холма, мы отдадим вам княгиню вашу с младенцем целу и невредиму, а коль нет – не отдадим.

Рао сообщил Болемиру об условии готов.

Болемир сперва обрадовался сообщению, потом глубоко задумался; в сердце его заговорили два чувства – чувство любви и чувство долга. Подумав, Болемир не нашел ничего лучшего, как собрать совет, и перед советом в немногих словах передал причину, по которой он созвал его.

Советники долго думали и наконец надумали:

– Недобро, князь, жертвовать племенем для одной жены с младенцем. Нехорошо тебе, правда, жалко своей жены, а младенца – пуще, да ведь и всем нам нехорошо. А коль мы раз уступим готам, то уж и дальше уступать будем, и из того, что мы начали, ничего не выйдет, и готы опять начнут нас распинать и резать, как и прежде распинали и резали. А впрочем, твое слово, князь: как захочешь, так и сделаешь.

Но князь не имел права сделать иначе, слово совета было великое слово, и не исполнить его – значило не исполнить закона родины, освященного веками.

С ноющим сердцем, побелев, как плат, дрожа, Болемир проговорил:

– Ладно: я отдам готам свою жену с младенцем, но и вы отдай те мне души свои, коль племя для вас дороже всего на свете!

– Отдаем! Отдаем! Мы все твои, князь! – прокатилось по всему стану венедскому.

После этого Болемир промчался на коне по всему стану и повелел воинам строиться в боевой порядок. Войска начали строиться, а Рао снова выехал вперед и закричал ожидавшему ответа готу:

– Делайте с княгиней и младенцем что хотите, а мы от Холма не отойдем, покуда не перебьем вас всех, псов рудых!

Рао погрозил готу клевцом и скрылся в строящихся в боевой порядок войсках Болемира.

– Так знайте же, челядинцы подлые, что и вам несдобровать от меча нашего! – крикнул гот и скрылся за стеной.

В ответ ему послышался угрожающий крик из стана венедского, и венеды, обычным углом построения пехотинцев⁸, начали приближаться к стенам Холма-города.

Угрожающий крик раздался и в стенах Холма-города: появившиеся в большом количестве на стене готы издавали грозные звуки и махали в воздухе мечами. Новая бревенчатая стена даже дрожала от этих криков и тяжести собравшихся на ней воинов. Среди готов находился и сам предводитель их, Атанарик.

⁸ Ставили углом пехотинцев, которые, надо заметить, играли в войнах славян очень важную роль, – для того, чтобы, быстро развернувшись, с большим удобством напасть на неприятеля, причем отступать с места с тем, чтобы снова внезапно наступать, почитали славяне военной хитростью, но не трусостью. Тела убитых, при сомнительности победы, относили назад. Конница, сражаясь, делала искусно заезд вправо или влево, стесняясь в кругу поворота, чтобы никто не отстал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.